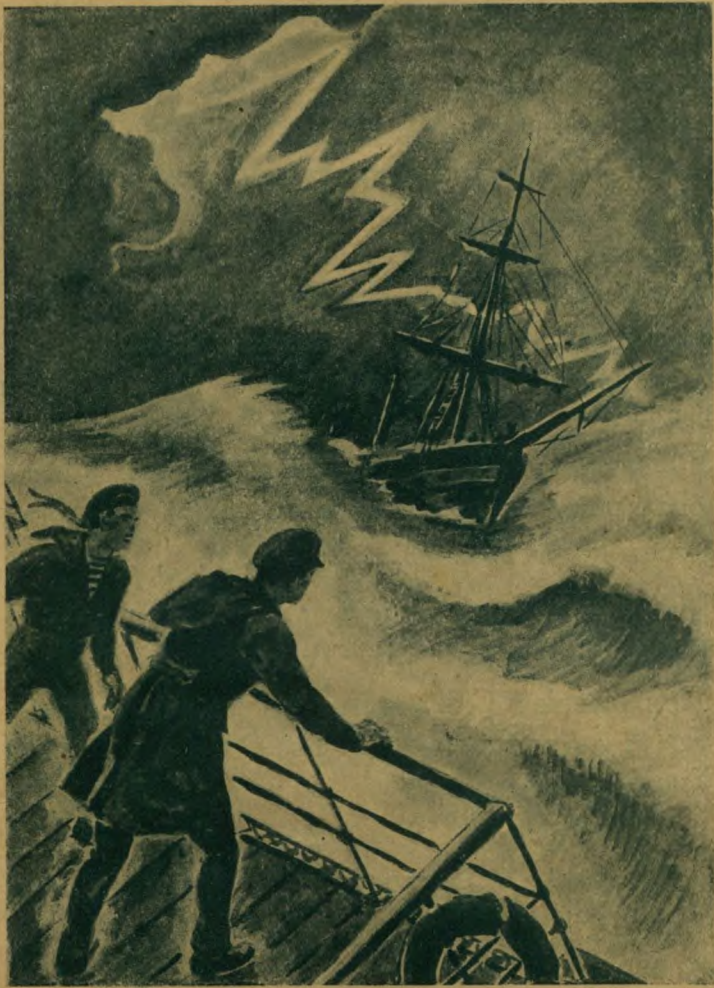

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 20

ОКТАБРЬ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Въ штормъ. Изъ морскихъ былей К. Станюковича	33
Гость Тедди. Разказъ Э. Джемсона	41
Ночь. Стихотв. В. Вячеславскаго	45
Ледяныя рѣки. Очеркъ Л. Гданскаго	46
Изъ книги природы:	
Дурианъ. Вулканическія бомбы. Свѣтящіяся жемчужины	48
Другъ Россіи, юношества и искусства. Къ 80-му дню рожденія П. Г. Ганзена	50
Радио. Какъ построить простой радіопріемникъ	52
Юный филателистъ	55
Бой-скаутъ	56
Фотографъ-любитель. Негативный процессъ	57
Конкурсъ фотографовъ. Снимки Андр. Фе, Сверковскаго, Р. Анретеса	57, 58 и 59
По свѣту:	59
Жизнь школь. IV-ая основная русская рижская школа. „Вешнія воды“	60
Конкурсъ задачъ	62
Юморъ	63
Объявленія	
Приложеніе: Сѣрый домикъ, романъ Л. Кормчаго съ рис. Г. Дайбера, листъ 8-ой.	

Изъ морскихъ былей.

I.

— Баринъ, а, баринъ! Лександра Ивановичъ! Ваше благородіе!

Съ этими словами Кирилловъ, вѣстовой мичмана Ополева — маленькій и приземистый, молодой матросикъ, съ се-режкой въ ухѣ, разставивъ для сохраненія равновѣсія ноги врозь и придерживаясь, чтобы не упасть, одной рукой за косякъ двери, — другою слегка дергалъ ногу мичмана, который крѣпко и сладко спалъ въ своей маленькой каютѣ, несмотря на стремительную качку, бросившую корветъ «Соколъ», словно мячикъ, на волнахъ развирѣпѣвшаго Атлантического океана.

Въ отвѣтъ ни звука.

Баринъ былъ соня и, по выраженію вѣстового, «вставалъ трудно».

И Кирилловъ, хорошо знавшій, что его же «заругаютъ», если баринъ хоть на минуту опоздаетъ на вахту, послѣ паузы снова дергаетъ мичманскую ногу, но уже сильнѣй и рѣшительнѣй.

— Ваше благородіе! Вамъ на вахту! Лександра Ивановичъ! Извольте вставать!

— Къ чорту! — раздался сонный скрикъ изъ койки.

— Никакъ невозможно... Лександра Ивановичъ!

— Я умеръ! — промычалъ мичманъ.

— Брысь!

И отдернувъ ногу, которую теребилъ вѣстовой, Ополевъ натянулъ на себя одѣяло и повернулся на другой бокъ, готовый сладко поспать, какъ сильный продольный размахъ корвета ударилъ мичмана лбомъ о переборку и заставилъ очнуться.

Въ полусвѣтѣ каюты, иллюминаторъ которой, наглухо задраенный (закрытый), то погружался въ пѣнистую воду океана, то выходилъ изъ нея, пропуская сквозь матовое стекло слабый свѣтъ утра, — Ополевъ увидалъ маленькую фигурку своего смышеннаго, расторопнаго вѣстового, который, держась обѣими руками, качался вмѣстѣ съ каютой и со всѣми находящимися въ ней предметами, услыхалъ раздрающій душу скрипъ корвета, почувствовалъ отчаянную качку и окончательно припелъ въ себя.

— Однако валяется! — промолвилъ онъ съ серьезнымъ видомъ, стараясь принять такое положеніе, чтобы опять не стукнуться.

— Стрась, какъ раскачалю, ваше благородіе.

— Скоро восемь?

— Склянка осталась.

— А наверху какъ?

— Не дай Богъ! Реветь!

— Въ ночь, видно, засвѣжѣло?...

— Точно такъ, ваше благородіе. Ночью фокъ убралн и четвертый рифъ взяли.

Капитанъ всю ночь былъ наверху. — докладывалъ вѣстовой.

И, помолчавъ, молодой матросъ, впервые бывшій въ дальнемъ плаваніи, прибавилъ боязливымъ и нѣсколько таинственнымъ тономъ:

— Давѣ ребята сказывали на бакѣ, ваше благородіе, будто похоже на то, что «штурма» настоящая начинается. Вѣтеръ такъ и гудѣтъ въ снастяхъ... Волна — и не приведи Богъ, какая громадная, Александра Ивановичъ... Ровно горы падаются.

— Видно, боишься штурма, Кирилловъ, а?

— Боязно, Александра Ивановичъ! — простодушно и застѣнчиво отвѣтилъ матросъ.

— Нечего, братъ, бояться. Справимся и со штурмомъ! — авторитетно и съ напускной небрежностью замѣтилъ молодой офицеръ, самъ еще никогда не испытывавшій штурма и втайнѣ начинавшій уже ощущать нѣкоторое безпокойство отъ этой адской качки, дергавшей и бросающей корветъ во всѣ стороны.

Внизу, въ каютѣ, опасность казалась значительнѣе.

— Точно такъ, ваше благородіе! — поспѣшилъ согласиться и Кирилловъ, болѣе по чувству деликатности передъ «добрымъ баринномъ» и по долгу дисциплины.

Но невольный страхъ, который онъ старался скрыть, все-таки не оставлялъ молодого матроса.

— Холодно наверху?

— Пронзительно, ваше благородіе.

— Дождевикъ приготовилъ?

— Готовъ.

— Ладно. Ну, теперь и вставать пора! А ты пока, братецъ, насчетъ чаю хлопотчи. Чтобы горячій былъ.

— Есть, ваше благородіе! Чай готовъ. Старшій офицеръ уже кушаютъ. Неспособно только пить при такой качкѣ, — прибавилъ Кирилловъ и вышелъ изъ каюты, чтобы «хлопотать» насчетъ горячаго чая «доброму барину», который очень хорошо обращался съ своимъ вѣстовымъ и часто съ нимъ «лясничалъ» по душѣ.

Кирилловъ направился въ камбузу, едва удерживаясь на ногахъ и выписывая мыслете. Встрѣтивъ тамъ своего пріятеля-вѣстового, такого же молодого матроса, какъ и онъ самъ, Кирилловъ,

словно подбадривая самого себя и не желая обнаружить своего страха передъ пріятелемъ и нѣсколькими бывшими у камбуза матросами, — проговорилъ съ напускною шутивостью:

— Ровно, братъ, на качеляхъ качаетъ. Совсѣмъ ходу ногамъ не даетъ.

И не безъ задора прибавилъ:

— А ты, Василій, ужъ и трусу, братъ, празднуешь?

— То-то все думается... какъ бы... Ишь буря-то какая! — промолвилъ блѣдный отъ страха и тошноты матросъ.

— А ты не думай, Вася!... Чего бояться? Штурма, такъ штурма. Небойсь, справимся и со штурмой! — хвастливо говорилъ вѣстовой, повторяя слова мичмана.

И даже заставилъ себя засмѣяться, хотя самъ жестоко трусилъ.

II.

Минуть черезъ десять, въ теченіе которыхъ молодому мичману пришлось принимать самыя невѣроятныя, едва ли извѣстныя акробатамъ позы, чтобы, при совершеніи туалета, примѣнять законы равновѣсія тѣлъ къ собственной своей особѣ, Опольевъ, умытый и одѣтый, вышелъ изъ каюты.

Въ палубѣ было сыро, душно и пахло сквернымъ, промоглымъ запахомъ непровѣтреннаго матросскаго жилья. Всѣ люки были наглухо закрыты, и свѣжій воздухъ не проникалъ. Подвахтенные матросы большею частью сидѣли или лежали на палубѣ молчаливые и серьезные, изрѣдка обмѣниваясь словами насчетъ «анафемской» погоды. Нѣсколькихъ укачало. Примостившись у машиннаго люка, старый матросъ Щербаковъ (онъ же и «образной», то-есть, завѣдующій корветскимъ образомъ и исполняющій во время требъ обязанности дьячка) тихимъ, монотоннымъ голосомъ читалъ Евангеліе, и около чтеца сидѣла небольшая кучка матросовъ, слушавшихъ чтеніе съ напряженнымъ вниманіемъ, и не столько понимая смыслъ славянскаго текста, сколько восхищаясь пѣвучимъ, умиленнымъ голосомъ чтеца и его торжественно-приподнятымъ тономъ.

Ступать по палубѣ было трудно. Она словно вырывалась изъ-подъ ногъ, и нужно было собою искусство и умѣнье выбирать моменты, чтобы пройти по ней.

Каютъ-компанія, обыкновенно въ этотъ часъ оживленная сборомъ офицеровъ къ чаю, теперь почти пуста. Почти всѣ отлеживаются по каютамъ. Висячая большая лампа надъ привинченнымъ къ палубѣ обѣденнымъ столомъ раскачивается во всѣ стороны подѣ однообразный скрипъ переборокъ. Крѣпко принаитовленные библиотечный шкафъ и фортепiano поскрипываютъ тоже. Съвозъ закрытый стеклянный люкъ каютъ-компаніи доносится глухой гулъ ревуцаго вѣтра. Корветъ вздрагиваетъ кормой и всѣми своими членами, и это вздрагиваніе ощущается внизу сильнѣе. Какъ-то мрачно и непривѣтливо въ каютъ-компаніи, обыкновенно веселой и шумной.

Всегда рѣзвая и забавная «Лайка», — черный пуделекъ, — забравшись въ уголь, по временамъ жалобно подвываеъ, безпомощно озираясь мутными глазами и, видимо, недоумѣвая: какъ обѣднѣя приспособиться, чтобы не кататься по скользкой клеенкѣ, которой обтянутъ полъ каютъ-компаніи. Отсутствуетъ, противъ обыкновенія, и Лайкинъ пріятель Васька — бѣлый, жирный котъ артиллерійскаго офицера. Видно, и Ваську укачало.

Одѣтый въ толстое драповое короткое пальто, на диванѣ сидѣлъ лишь старшій офицеръ, плотный и здоровый брюнетъ, лѣтъ тридцати пяти, загорѣлый, серьезный и, видимо, возбужденный. Онъ осторожно держалъ въ своей широкой, бронзовой рукѣ, мускулистой и волосатой, стаканъ съ чаемъ безъ блюдечка и подносилъ его къ своимъ густымъ чернымъ усамъ, улавливая моменты, когда можно было хлебнуть, не проливши жидкости.

— Добраго здоровья, Алексѣй Николаевичъ!

— Мое почтенье, Александръ Ивановичъ!

Придерживаясь за привинченную къ полу скамейку около стола, мичманъ подошелъ къ старшему офицеру, чтобы поздороваться, и чуть было не навалился на него.

— Говорять, за ночь засвѣжѣло, Алексѣй Николаевичъ? — спросилъ молодой человекъ, присаживаясь на скамейку около дивана.

— Свежо-съ! — коротко отрѣзалъ старшій офицеръ.

Онъ продолжалъ молча отхлебывать

глотками чай, занятый какими-то мыслями, и черезъ минуту проговорилъ:

— Главное: анафемское волненіе! Того-и-гляди, какую-нибудь шлюпку снесетъ или бортъ поломаеъ, — озабоченно и сердито продолжалъ старшій офицеръ и, допивъ стаканъ, вышелъ наверхъ.

— Эй, вѣстовые! Скоро-ли чаю? — крикнулъ Опольевъ, оставшись одинъ.

Но уже стриженная черная четырехугольная голова Кириллова показала въ дверяхъ каютъ-компаніи, и вслѣдъ затѣмъ онъ стремительно сдѣлалъ два шага впередъ, брошенный качкой, но однако успѣлъ удержаться и сохранить въ рукахъ стаканъ съ чаемъ, обернутый салфеткой. Сзади другой вѣстовой несъ сахарницу и корзинку съ сухарями. Все было донесено благополучно, и Опольевъ, жадно выпивъ одинъ стаканъ, спросилъ другой.

Въ эту минуту въ каютъ-компанію спустился сверху, чтобы «начерно» выпить стаканчикъ горячаго чаю, старшій штурманъ, старый и сѣдой низенькій человекъ, въ блестящемъ каплями кожанѣ, одѣтомъ поверхъ пальто, съ обмотаннымъ вокругъ шеи шарфомъ и съ надвинутой на лобъ фуражкой. Все на немъ было старенькое, потасканное, обтрепаншееся, но все сидѣло какъ-то необыкновенно ловко, придавая всей фигурѣ его видъ стараго морского волка.

Несмотря на порывистую качку, онъ ступалъ по палубѣ своими привычными цѣпкими морскими ногами, не держась ни за что, то балансируя, то вдругъ присѣдая, словомъ принимая самыя разнообразныя положенія, соотвѣтственно направлению качающагося судна.

Замѣтивъ по выраженію краснаго морщинистаго лица старика, что онъ не въ дурномъ расположеніи духа, въ какомъ бывалъ, когда ему слишкомъ надоѣдали разспросами, или когда корветъ плылъ вблизи опасныхъ мѣстъ, а старшій штурманъ не былъ увѣренъ въ точности счисленія, — молодой мичманъ, послѣ обмена привѣтствій, спросилъ:

— Какъ дѣла наверху, Иванъ Ивановичъ?

— Сами увидите, батюшка, какія дѣла... Вы вѣдь, видно, на вахту, что такая ранняя птичка сегодня! — пошутилъ старикъ. — Дѣла-съ обыкновенныя на морѣ! — прибавилъ онъ, аппетитно прихлебывая поданный ему чай, въ ко-

торый онъ влилъ немного коньяку «для вкуса», какъ говаривалъ обыкновенно.

— Гдѣ мы теперь находимся, Иванъ Ивановичъ?

— А на параллели Бискайскаго залива, во ста миляхъ отъ берега. — Ну-ка еще стакашку! — крикнулъ старый штурманъ вѣстовому... — Да и коньяку не забудь! — Приятный вкусъ чаю придаетъ! — прибавилъ онъ, снова обращаясь къ молодому человѣку. — Попробовали бы... И отъ качки полезно... Что, васъ не размотало?

— Нисколько! — похвасталъ мичманъ.

— Вначалѣ всякаго разматываетъ, пока не обтерпишься... А есть люди, что никогда не привыкаютъ... Помню: служилъ я съ такимъ однимъ лейтенантомъ... Съ пути долженъ былъ бѣдняга вернуться въ Россію.

— Къ вечеру, я думаю, и стихнетъ? — спрашивалъ Опольевъ, стараясь придать своему голосу тонъ полнѣйшаго равнодушія, точно ему было все равно — стихнетъ или не стихнетъ.

Иванъ Ивановичъ въ отвѣтъ усмѣхнулся.

— Стихнетъ-съ? — переспросилъ онъ.

— А развѣ нѣтъ?

— Къ вечеру, я полагаю, настоящая штормяга будетъ. Барометръ шибко падаетъ.

Старый штурманъ, перенесшій на своемъ долгомъ вѣку не мало штормовъ и разъ даже испытавшій крушеніе на парусной шкунѣ у береговъ Камчатки, проговорилъ эти слова такимъ спокойнымъ тономъ, точно дѣло шло о самой обыкновенной вещи, и, отхлебнувъ нѣсколько глотковъ чаю съ коньякомъ, крикнулъ отъ удовольствія и прибавилъ:

— Теперь вотъ и кашель душить не будетъ... А то стоялъ наверху и все кашлялъ... Эй, Васильевъ! — крикнулъ онъ.

Явился вѣстовой.

— Плесни-ка еще чуть-чуть коньячку... Стопъ — такъ!... Мокроту разгоняетъ! — снова прибавилъ, какъ бы въ оправданье, старый штурманъ, любившій-таки лѣчить и свои и чужія болѣзни спеціально коньякомъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хересомъ и марсалай.

— Такъ вы полагаете, Иванъ Ивановичъ, что штормъ? — небрежно переспросилъ Опольевъ и въ то же время покраснѣлъ, чувствуя, что голосъ его

дрогнуть, и воображая, что штурманъ замѣтилъ его страхъ.

— Обязательно! Ужь такая эта подлая Бискайка*). (Сколько разъ я ее ни проходилъ, всегда, шельма, угостить штормигомъ... Да-съ...

Старикъ съ видимымъ наслажденіемъ допилъ стаканъ, нахлобучилъ фуражку и ушелъ.

Опольевъ взглянулъ на каютъ-компанейскіе часы: до восьми часовъ оставалось еще пять минутъ. Онъ допилъ чай и, съ первымъ ударомъ колокола, начинающаго отбивать восемь склянокъ, поднялся по трапу наверхъ, возбужденный и взволнованный, въ ожиданіи «перваго шторма» въ своей жизни.

Онъ вышелъ на палубу и сразу очутился въ иной атмосферѣ.

Его охватилъ рѣзкій, холодный вѣтеръ и обдавало водяной пылью. Онъ услышалъ характерный вой вѣтра въ снастяхъ и рангоутѣ, увидалъ бушующій сѣдой океанъ, и мысли его мгновенно приняли другое направленіе — морское.

И онъ принялъ равнодушный видъ и молодцовато поднялся на мостикъ, точно самъ чортъ ему не братъ, и штормы для него привычное дѣло.

III.

Несмотря на жгучее чувство страха, охватившее въ первый моментъ молодого мичмана, величественное зрѣлище бушующаго океана невольно приковало его глаза, наполнивъ душу какимъ-то безотчетнымъ благоговѣйнымъ смиреніемъ и покорнымъ сознаніемъ слабости «царя природы» передъ этимъ грознымъ величіемъ стихійной силы.

Вокругъ, на видимое глазомъ пространство, океанъ словно весь кипѣлъ въ бѣлой пѣнѣ, представляя собой взрытую холмистую поверхность волнъ, несущихся, казалось, съ бѣшеной силой и съ шумомъ разбивающихся одна о другую своими сѣдыми гребнями. Но кажушіеся вдали небольшими холмами, эти валы вблизи преобразуются въ высокія водяныя горы, среди которыхъ, то опускаясь въ ложину, образуемую двумя валами, то поднимаясь на гребень, идетъ маленькій черный корветъ со своими почти оголен-

*) Бискайскій заливъ.

ными мачтами, со спущенными стеньгами, истрѣчая приближеніе шторма въ бейдевиндъ подъ марселями въ четыре рифа.

Раскачиваясь и впередъ, и назадъ, и вправо, и влѣво, корветъ, поднимаясь на волну, разрѣзаетъ ее и иногда зарывається въ ней носомъ, и часть волны попадаетъ на бакъ, а другая бѣшено разбѣивается о бока судна, разсыпаясь алмазными брызгами. Изрѣдка корветъ чернаетъ бортомъ, и тогда верхушки волнъ вкатываются на палубу, выливаясь черезъ противоположный бортъ въ шпигаты.

Вотъ-вотъ настагаетъ громадный валъ... Вонъ онъ за опустившейся кормой, высоко надъ нею и, кажется, сейчасъ обрушится и зальетъ этотъ корветъ, кажущійся теперь крохотной скорлупкой, зальетъ со всѣми двумястами его обитателей, безъ всякаго слѣда... Но въ это мгновеніе носъ корвета уже спускается съ другого вала, корма поднялась высоко, — и страшный задній валъ съ гуломъ разбивается объ нее и снова опускаетъ корму.

Все небо заволочло темными кучевыми облаками, которыя бѣшено несутся въ одномъ направленіи. Мгновенно покажется солнце, обдастъ блескомъ сѣдой океанъ и вновь скроется подъ тучами. Вѣтеръ рветъ, срывая по пути верхушки волнъ, разсыпающихся серебристой пылью, и воетъ въ рангоутъ, въ снастяхъ, потрясая ихъ точно негодуя, что встрѣтилъ препятствіе...

Вахтенные матросы въ просмоленныхъ парусинныхъ пальтишкахъ, надѣтыхъ поверхъ синихъ фланелевыхъ рубахъ, держатся за снасти. Всѣ молчаливы и серьезны. Ни шутики, ни смѣха. Когда волна обдастъ брызгами, они, словно утки, отряхаются отъ воды и снова смотрятъ то на океанъ, то на мостикъ.

Тамъ, словно прикованный, стоитъ, широко разставивъ ноги, пожилой капитанъ, держась руками за поручни. Онъ, повидимому, спокоенъ и поглядываетъ то на горизонтъ, то на паруса. Онъ не спалъ цѣлую ночь. Его лицо, обвѣтрившееся, утомленное и сосредоточенное, кажется старѣе отъ безсонной ночи. Онъ собирается отдохнуть часокъ-другой, но прежде, чѣмъ спуститься къ себѣ въ каюту, рѣшилъ при себѣ убрать марсели, чтобы встрѣтить штормъ съ меньшею площа-

дью парусности, подъ штормовыми парусами.

И онъ приказалъ Ополеву рѣзкимъ, сильнымъ голосомъ:

— Уберите марсели и поставьте зарифленные триселя, штормовую бизань и форъ-стенги-стаксель!

— Есть! — отвѣчалъ мичманъ и, поставивъ ко рту рупоръ, крикнулъ:

— Марселя крѣпить! Марсовые къ вантамъ!

И когда марсовые матросы подошли къ вантамъ, продолжалъ:

— По марсамъ!

Крѣпко держась руками за вантины, матросы тихо и осторожно ползали по веревочной лѣстницѣ и, достигнувъ марсовъ, расплозились по стремительно качающимся реямъ. У молодого офицера замеръ духъ при видѣ этихъ маленькихъ человѣческихъ фигуръ на высотѣ, раскачивающихся вмѣстѣ съ реями и крѣпившихъ паруса при такомъ адскомъ вѣтрѣ. Ему все казалось, что кто-нибудь да сорвется и упадетъ за бортъ. И онъ не спускалъ съ рей испуганныхъ глазъ. И капитанъ, и старшій офицеръ тоже не спускали глазъ. Видно, и ихъ безпокоила та же мысль.

Но матросы цѣпко держались и руками, и ногами. Держась одной рукою за рею, каждый другою убиралъ мякоть паруса, и, когда все было окончено, Ополеву съ облегченнымъ сердцемъ скомадовалъ:

— Марсовые, внизъ!

Затѣмъ были поставлены штормовые паруса, и капитанъ сказалъ Ополеву своимъ обычнымъ повелительнымъ тономъ:

— Если что случится, дать знать... Да на руль не зѣвать! — крикнулъ онъ, чтобы слышали рулевые.

И ушелъ отдохнуть. Наверху, кромѣ вахтеннаго Ополева, остался старшій офицеръ.

Къ концу вахты молодой мичманъ уже свыкъся съ положеніемъ, и буря ужъ не такъ пугала его. И когда въ полдень онъ смѣнился и спустился въ каютъ-компанію, то вошелъ туда съ горделивымъ видомъ челоуѣка, побывшаго въ передѣлкѣ. Но на его горделивый видъ никто не обратилъ вниманія.

По случаю погоды «варки» не было, и обѣдъ состоялъ изъ холодныхъ блюдъ: ветчины и разныхъ консервовъ. Обѣдали

въ каютѣ-компаниі съ деревянной сѣткой, укрѣпленной поверхъ стола, въ гнѣздахъ которой стояли приборы, лежали обернутыя въ салфетки бутылки и т. п. Въ-столье съ трудомъ обносили блюда, еле держась на ногахъ отъ качки. Обѣдъ прошелъ скоро и молчаливо. Обычныхъ шумныхъ разговоровъ и шутокъ не было, да и аппетитъ у многихъ былъ плохой. Одинъ только старый штурманъ ѣлъ по обыкновенію за двоихъ и выпилъ обычную свою порцію за обѣдомъ — бутылку марсалы.

Послѣ обѣда всѣ разошлись по каютамъ.

IV.

Къ ночи вѣтеръ достигъ степени шторма.

Опольевъ, совсѣмъ одѣтый, дремавшій у себя въ койкѣ, внезапно проснулся отъ какого-то страшнаго грохота. Очнувшись, онъ увидаль, что вся его каюта озарена свѣтомъ молніи. Затѣмъ снова мракъ, и снова раскаты грома надъ головой.

Онъ опущью напелъ двери каюты и вышелъ въ жилую палубу, едва держась на ногахъ. Корветъ положительно метало во всѣ стороны. Въ палубѣ никто не спалъ. Матросскія койки висѣли пустыя. Блѣдые и испуганные сидѣльи подвахтенные матросы кучками и жалісь другъ къ другу, словно бараны. Многіе громко вздыхали, шептали молитвы и крестились. При слабомъ свѣтѣ качающихся фонарей эта толпа испуганныхъ людей производила тяжелое, угнетающее впечатлѣніе. Кто-то, громко охая, проговорилъ, что «пора, братцы, надѣвать чистыя рубахи» *).

Но въ ту же минуту раздалась энергичная ругань боцмана, вслѣдъ за которой тотъ же сплый басокъ боцмана проговорилъ:

— Ты у меня поговори!... Смуцай людей! Я тебѣ задамъ рубахи! А еще матросы!

И снова посыпалась звучная ругань, успокоившая испуганныхъ людей.

Какъ и утромъ, образной, старикъ Щербаковъ, сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ у машиннаго люка, окруженный кучкой матросовъ.

И его монотонный голосъ, торжествен-

ный и умиленный, громко и отчетливо читаль, подъ раскаты грома:

«Въ день же тотъ испедъ Исусъ изъ дому сѣдаше при морѣ. И собрася къ нему народи мнози, якоже ему въ корабль влѣзти и сѣсти. И весь народъ на берегѣ стояша...»

У самаго трана, держась за него руками, стоялъ Кирилловъ и чуть слышно всхлипываль.

— Кирилловъ, ты? — окликнулъ его Опольевъ.

— Я, ваше благородіе!

— Что ты? Никакъ ревешь?

— Страшно, Александра Ивановичъ, да и Щербаковъ жалостно читаеъ.

— Стыдись... вѣдъ ты матросъ?

— Матросъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ, стараясь глотать слезы, молодой матросикъ.

— То-то и есть! Ну, полно, братъ... Никакой опасности нѣтъ! — ласково проговорилъ мичманъ и, самъ блѣдный и взволнованный, потрепаль по плечу своего вѣстоваго и, держась за перила трапа, отдернулъ люкъ и вышелъ на палубу.

Цѣпляясь за пушки, пробрался онъ на ютъ, подъ мостикъ и, взглянувъ кругомъ, въ первую минуту оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

Корветъ метался во всѣ стороны, и волны свободно перекачивались черезъ переднюю часть. Громъ грохоталь не переставая, и сверкала молнія, прорѣзывая огненнымъ зигзагомъ черныя, нависшія тучи и освѣщая бѣснующуюся океанъ съ его водяными горами и палубу корвета съ вышибленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ бортами. Катера одного не было — его смыло. Казалось, штормъ достигъ своего апогея и трепаль корветъ, стараясь его уничтожить, но корветъ не поддавался и вскакиваль на волну, и снова опускался, тяжело ударяясь и скрипя, словно отъ боли. Матросы толпились на шканцахъ и на ютѣ, держась за притянутыя леера. По временамъ, при ослѣпительномъ блескѣ молніи, всѣ молча крестились.

Капитанъ стоялъ у штурвала, рядомъ съ шестью рулевыми, правившими рулемъ, и отрывисто указываль, какъ править. При свѣтѣ фонаря видно было истомленное, блѣдное и страшно серьезное лицо. Тутъ же стояли старшій штурманъ Иванъ Ивановичъ и старшій офицеръ.

Въ первыя минуты молодого мичмана охватилъ жестокой страхъ, но потомъ.

*) Передъ крушеніями у русскихъ матросовъ есть обычай надѣвать чистыя рубахи.

страхъ постепенно смѣнился какимъ-то покорнымъ оцѣпеніемъ.

«Все равно, спасенія нѣтъ въ случаѣ крушенія!» пронеслось у него въ головѣ.

И онъ стоялъ, уцѣпившись за что-то, потрясенный и безмолвный.

Опольевъ перекрестился. Скорбный вздохъ нѣсколькихъ человѣкъ вырвался около него.

— Потопли! — произнесъ чей-то голосъ.

.....
Молодой мичманъ стоялъ на палубѣ,

Опольевъ увидѣлъ силуэтъ погибающаго судна.

— Господи, помилуй! — раздался возлѣ него голосъ сигнальщика. — Смотрите, ваше благородіе!

Но Опольевъ уже видѣлъ. Онъ видѣлъ при свѣтѣ блеснувшей молніи, въ недалекомъ разстояніи, силуэтъ погибающаго судна, видѣлъ фигуры людей съ простертыми руками и невольно зазмурилъ глаза.

Снова сверкнула молнія и озарила океанъ. Судна уже не было.

смотря на бушующій штормъ, часъ, другой... сколько именно — онъ не помнилъ.

Наконецъ, буря, казалось, стала чуть-чуть утихать, и Опольевъ спустился внизъ.

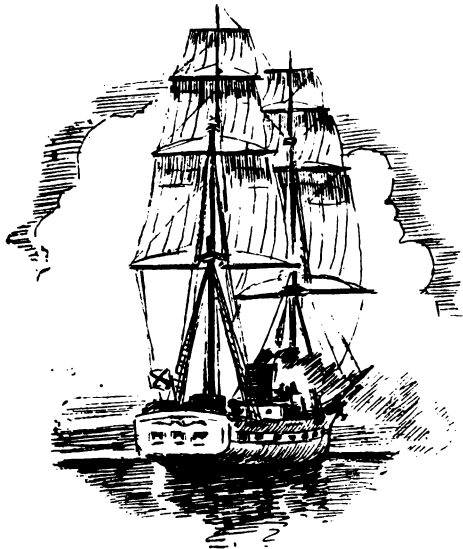
Въ палубѣ попрежнему царилъ страхъ, и Щербаковъ читалъ Евангеліе.

Молодой человѣкъ бросился въ койку. Онъ долго не могъ заснуть, потрясенный только-что видѣннымъ. Наконецъ, тяжелый сонъ охватилъ его.

V.

Когда онъ проснулся, яркій дневной свѣтъ стоялъ въ каютѣ. Онъ приподнялся и съ радостнымъ изумленіемъ почувствовалъ, что качка теперь совсѣмъ другая — правильная и спокойная. Онъ взглянулъ въ палубу. Матросы весело разговаривали. Люки всѣ были открыты, и въ палубѣ не пахло сквернымъ запахомъ.

— Кириллова послать! — крикнулъ онъ.

Корветъ подходилъ къ острову...

Явился Кирилловъ, веселый, радостный.

— Здорово, братъ. Что, стихло?

— Стихло, ваше благородіе!

— Ну, видишь, со штормомъ и справились! — говорилъ мичманъ.

— Точно такъ, ваше благородіе.

Въ каютѣ-компаніи было оживленно. Всѣ были въ сборѣ и говорили о штормѣ, о томъ, какъ лихо выдержалъ его «Соколъ», отдѣлвшись полонкой бортовъ да потерей катера. Но о погибшемъ вчера на-глазахъ суднѣ почему-то избѣгали вспоминать.

— А штормяга изрядный былъ. Знатно трепало! — сказалъ старый штурманъ. — И теперь еще свѣжо!... Ну, да барометръ подымается! — прибавилъ онъ и,

послѣ своихъ двухъ стакановъ разбаменнаго коньякомъ чаю, пошелъ наверхъ «ловить солнышко», то-есть, дѣлать observations.

Хотя начало еще порядочно, но сегодня можно было нашиться чаю по-человѣчески, и Ополевъ съ аппетитомъ съѣлъ за чаемъ чуть-ли не полкоробки англійскихъ печеній, проголодавшись со вчерашняго дня, не забывъ угостить и ласкающуюся, веселую Лайку, и жирнаго кота Ваську.

Затѣмъ онъ пошелъ взглянуть на океанъ.

Океанъ, видимо, «отходилъ» и катилъ все еще большія свои волны далеко не съ прежнимъ бѣшенствомъ, и корветъ, подъ зарифленными марсеями, фокомъ и гротомъ, неся теперь при свѣжемъ, ровномъ вѣтрѣ узловъ по одиннадцати въ часъ, легко убѣгая отъ попутной волны.

Плотники чинили проломленный въ нѣсколькихъ мѣстахъ бортъ, мурлыкая вполголоса какую-то пѣсенку.

VI.

Дня черезъ два, въ девятомъ часу утра, Кирилловъ будилъ своего барина.

— Ваше благородіе! Александра Иванычъ! Вставайте! Къ Мадерѣ подходимъ!

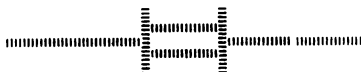
Послѣ многихъ дерганій вѣстовой разбудилъ мичмана.

— Скоро на якорь становиться, ваше благородіе! Погода — благодать! — весело говорилъ вѣстовой.

Ополевъ быстро одѣлся и выбѣжалъ наверхъ.

Чуть-чуть поныхивая дымкомъ изъ трубы, корветъ подходилъ подъ парами къ подернутому легкой туманной дымкой высокому острову. Успѣвшій починить свои аваріи послѣ шторма, «Соколъ» сіялъ чистотой и блескомъ подъ лучами ослѣпительнаго солнца, медленно плывшаго въ голубой безоблачной высотѣ. И океанъ, еще недавно наводившій трепетъ, теперь, ласковый и спокойный, тихо шевелясь переливающейся зыбью, нѣжно лизалъ своей манящей, прозрачной синевой бока едва покачивающагося корвета.

К. Станюковичъ.

Гость Тедди.

Разсказъ

Э. Джемсона.

Сумерки сгущались надъ пустынной мѣстностью Дартмуръ. Сѣрая мгла окутала вершины скалъ и легла густымъ, непроницаемымъ покровомъ на сосѣднія долины, малопомалу скрывая отъ глазъ всѣ окружающіе предметы.

Вотъ что-то сѣрое, точно тѣнь, выдвинулось изъ трещины скалы, остановилось и стало прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ. Ни одинъ звукъ не нарушалъ мертвой тишины; на всемъ пустынномъ пространствѣ не видно было ни единого живого существа, и челювѣкъ въ сѣромъ, оглянувшись кругомъ, съ облегченіемъ вздохнулъ.

Весь день наблюдалъ онъ изъ тайнаго своего убѣжища, какъ люди искали его, словно какую-нибудь дичь, не разъ проходя отъ него всего только въ нѣсколькихъ шагахъ. И онъ сидѣлъ все это время, притаившись въ расщелинѣ скалы, съ крупными каплями пота на лицѣ, ежеминутно содрогаясь при мысли о возможности быть снова схваченнымъ и посаженнымъ въ тюрьму. Правда, сыщики ушли теперь, но несчастный прекрасно зналъ, что вѣсть объ его удивительномъ побѣгѣ разнеслась по всему королевству и его повсюду выслѣживаютъ.

Нѣтъ, въ тысячу разъ лучше умереть, нежели снова попасть въ заключеніе!... Главное — избавиться отъ арестантской одежды... Но какъ достигнуть этого?

Незнакомецъ сталъ спускаться по неровной поверхности скалы, пугаясь всякаго шума и треска ломаю-

щагося вереска, на который неосторожно ступала его нога. Голодъ, раздиравшій эти дни его внутренности, теперь притупился и не очень беспокоилъ его.

Все время онъ держался, насколько это возможно было, вблизи дороги, пока не вышелъ наконецъ къ широкой, прекрасной аллеѣ для ѣзды, которая оканчивалась у желѣзныхъ воротъ. Прислонившись лицомъ къ рѣшеткѣ, онъ увидѣлъ вдали большой, длинный домъ, выдѣлявшійся на свѣтломъ фонѣ неба. По направленію отъ дома къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, двигался экипажъ съ зажженными фонарями.

Онъ послѣшно скользнулъ въ кусты. Грумъ соскочилъ съ козелъ и отворилъ ворота. Въ ту же минуту до слуха притаившагося донесся пріятный мужской голосъ, говорившій:

— Да развѣ можно оставлять такого маленькаго мальчика на волю его собственныхъ фантазій! Не отъ того ли онъ такъ и скучаетъ?

— Весьма возможно, — отвѣчалъ раздраженно другой голосъ: — но вѣдь нельзя же мнѣ вѣчно сидѣть дома!

Экипажъ промчался мимо, и ворота закрылись. Сердце подслушавшаго учашенно забилося: вотъ онъ, удобный случай!

Онъ быстро вошелъ и направился къ дому, останавливаясь иногда, чтобы прислушаться. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ свѣтъ, выходившій изъ стеклянной двери. Часть

занавѣски была приподнята, и онъ заглянулъ въ комнату.

Единственнымъ живымъ существомъ, находившимся въ ней, былъ маленькій мальчикъ, который стоялъ на полу. Лицо его выражало неудовольствие и смущеніе. Одѣтъ онъ былъ весьма странно, — наподобіе маленькаго клоуна. Джофрей Боррадайль — такъ звали незнакомца — дорожилъ временемъ; но ребенокъ былъ такъ забавенъ, что онъ невольно засмотрѣлся на него. Мальчикъ раскланивался передъ воображаемой публикой, потомъ вдругъ сдѣлалъ пируэтъ и быстро опустился на руки, пробуя стать внизъ головой. Нѣсколько разъ принимался онъ за одно и то же, но всякій разъ съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Игра эта все болѣе и болѣе возбуждала вниманіе неожиданнаго зрителя. Забывъ совершенно, гдѣ онъ, Боррадайль такъ сильно налегъ на дверь, что она вдругъ открылась, увлекая его въ комнату.

Очутившись такъ неожиданно лицомъ къ лицу съ удивленнымъ акробатомъ, онъ ждалъ, что тотъ немедленно подыметъ тревогу. Но Джофрей былъ всегда любимцемъ дѣтей и животныхъ, и эта отличительная черта его пригодилась ему на этотъ разъ. Мальчикъ взглянулъ на него совершенно серьезно, а затѣмъ лицо его просіяло отъ улыбки.

— Какъ, и вы тоже нарядились? — сказалъ онъ. — Прекрасно! Теперь мы будемъ вдвоемъ упражняться! Одному, право, такъ скучно; какъ я ни стараюсь развлекать-ся, а вдвоемъ все-таки веселѣе.

Посѣтитель сразу вошелъ въ свою роль.

— Совершенно вѣрно! — сказалъ онъ, внимательно осматриваясь кругомъ. — Развѣ никого нѣтъ, кто могъ бы поиграть съ тобою?

И говоря такимъ образомъ, Боррадайль поспѣшно опустилъ занавѣсъ, на что Тедди не обратилъ никакого вниманія. Въ отвѣтъ на вопросъ онъ покачалъ головой.

— Папа уѣхалъ на обѣдъ, — сказалъ онъ, — дядя Джекъ также... Дядя Джекъ пріѣхалъ только тре-

тьяго дня. Няня и кухарка въ кухнѣ, Кэтъ... это наша горничная... она отправилась къ своей матери...

— Должно быть, ты привыкъ играть одинъ?

На глазахъ Тедди блеснули слезы, но онъ постарался скрыть ихъ, чтобы посѣтитель не замѣтилъ.

— Прежде была мама... Отцы же, знаете, совсѣмъ не то. Все потому, я думаю, что у нихъ мало времени... — и мальчикъ печально взглянулъ на посѣтителя, какъ въ ожиданіи отъ него подтвержденія своихъ словъ.

— Совсѣмъ не то, понятно! Ничто во всемъ свѣтѣ не можетъ замѣнить матери...

Наклонивъ внизъ кудрявую голову, Тедди вздохнулъ.

— Такъ во что же мы будемъ играть? — спросилъ онъ.

— Тебѣ выбирать, — отвѣчалъ человекъ въ сѣромъ, съ тревогой прислушиваясь, не слышно ли чего-нибудь. — Я долженъ сказать тебѣ, что я скоро устаю въ этомъ платьѣ... твое гораздо удобнѣе моего.

— Да, ваше немножко некрасиво, — сказалъ Тедди, держась середины между истиной и вѣжливостью. — Зато оно болѣе необыкновенно, нежели мое. Я надѣвалъ свое платье на костюмированный балъ, а скоро буду опять на другомъ, по случаю избранія мэра. Знаете, я бы такъ хотѣлъ выучиться къ тому времени какимъ-нибудь клоунскимъ штукамъ. Я непременно постараюсь добиться этого. Бобъ Смиттъ — тотъ такъ красиво вертится колесомъ. Скажите, пожалуйста, — продолжалъ онъ, указывая на костюмъ посѣтителя, — что это за штуки на вашемъ платьѣ? Точно верхушки стрѣлъ!

И онъ разразился смѣхомъ, на что Боррадайль отвѣчалъ улыбкой, хотя въ душѣ испытывалъ муку.

— Не могу, право, вспомнить, почему именно выбралъ я этотъ нарядъ, — отвѣчалъ онъ, продолжая комедію. — Я бы не прочь былъ перемѣнить его.

Тедди вдругъ подпрыгнулъ, и лицо его покраснѣло отъ волненія.

— У насъ цѣлыя кучи разнаго платья наверху; пойдѣте туда, вы

себѣ выберете и тогда, быть-можетъ, поучите меня клоунскимъ выходкамъ. Пойдемте же поскорѣй, не то придетъ няня, а я не хочу, чтобы она была при этомъ.

Не хотѣлъ этого и Боррадайлъ.

— А, и вы тоже нарядились?

Осторожно, крадучись, прошли они переднюю и стали подыматься по лѣстницѣ, держа другъ друга за руку и даже снявъ башмаки. Тедди молча, лишь изрѣдка посмѣиваясь втихомолку, шелъ важно по ступенькамъ лѣстницы, запрятавъ башмачки подъ рукавъ своей широкой, испещренной красными и бѣлыми полосами одежды.

Они были уже наверху, когда снизу послышался голосъ, заставившій Боррадайлъ содрогнуться отъ ужаса.

— Мистеръ Теодоръ, гдѣ вы?

Тедди приподнялъ палецъ въ знакъ молчанія, а затѣмъ подошелъ къ краю лѣстницы.

— Я здѣсь, няня! Мнѣ нужно кое-что взять изъ комнаты палы, — онъ мнѣ позволилъ.

— Пора уже ложиться спать, — нельзя сидѣть такъ долго. Я хочу приготовить вамъ ужинъ въ классной комнатѣ, если вы не желаете ужинать въ кухнѣ вмѣстѣ со мной и кухаркой.

— Да, я не желаю ужинать въ кухнѣ; приготовьте лучше въ классной комнатѣ. Пала сказалъ, что бы мнѣ дали цыплятъ.

Послышались удаляющіеся шаги, сопровождавшіеся воркотней. Отразивъ такъ успѣшно врага, Тедди торжественно продолжалъ шествіе въ комнату отца.

— Няня у меня такая ворчливая, — объяснялъ мальчикъ, вытаскивая тяжелый сундукъ.

Раскрывъ сундукъ, Тедди показалъ его содержимое, состоящее изъ разнообразной коллекціи костюмовъ. Отецъ Тедди былъ извѣстный театраль и въ свое время исполнялъ многія важныя роли. Въ сундукѣ находился ящичекъ съ косметиками, при видѣ котораго лицо Боррадайлъ прояснилось. Счастье, повидимому, чѣмъ дальше, тѣмъ больше благоприятствовало ему, и теперь оно на вѣрное не покинетъ его. Тедди наблюдалъ за нимъ и втихомолку подсмѣивался отъ удовольствія.

— Выбирайте, что вамъ нравится, — сказалъ онъ, расправляя блестящій, атласный сюртукъ, лежавшій наверху. — Когда вы будете готовы, мы устроимъ представленіе.

Боррадайлъ не долго медлилъ выборомъ.

— Иди внизъ и подожди меня тамъ, Тедди! Ты увидишь, какой я тебѣ сюрпризъ приготовлю! Никому только ни слова, я скоро приду къ тебѣ.

Тедди кивнулъ головой и сталъ быстро спускаться по лѣстницѣ, при чемъ широкая пестрая одежда его развѣвалась во всѣ стороны.

Въ прежнее время, которое, казалось, умчалось куда-то далеко-далеко, Джофрей Боррадайлъ былъ также большимъ любителемъ театральнаго искусства. Онъ одѣвался теперь съ непривычною ему до сихъ поръ поспѣшностью, выбравъ деревенскій костюмъ джентльмена, найденный имъ на кровати, куда его бросилъ самъ хозяинъ. Сѣрый костюмъ свой, испещренный широкими стрѣлами, онъ положилъ на самое дно сундука. На столѣ лежалъ заряженный револьверъ; подумавъ немного, онъ взялъ его и положилъ въ карманъ. На краю лѣстницы онъ остановился и прислушался. Все было тихо. Онъ могъ даже слышать, какъ Тедди разговаривалъ самъ съ собой.

Тогда онъ спустился въ классную комнату и во-время успѣлъ схватить руку Тедди, который, увидя

его, едва не закричалъ отъ удивленія.

— Какъ вы похожи на дядю Джека, — сказалъ мальчикъ, осматривая его костюмъ. — У него такой же точно смуглый цвѣтъ лица. Зачѣмъ выбрали вы это платье? Будемъ ужинать пока, а потомъ вы поучите меня чему-нибудь, не правда ли? Няня теперь занята, — къ ней пришелъ одинъ изъ ея знакомыхъ съ сосѣдней фермы. Она очень его любитъ. Кушайте скорѣе!

На столѣ были приготовлены цыплята, хлѣбъ, масло, молоко. Тедди былъ слишкомъ взволнованъ для того, чтобы ѣсть, да и вообще онъ не отличался хорошимъ аппетитомъ, но няня рассказывала потомъ, что онъ ухитрился въ этотъ вечеръ съѣсть за одинъ разъ цыпленка и невѣроятное количество хлѣба съ масломъ.

Джофрей Боррадайль спѣшилъ ѣсть. Вѣдь предстоялъ еще урокъ гимнастики... Чувство чести не позволяло ему нарушить даннаго слова... Но не было ли безуміемъ съ его стороны сдержать обѣщаніе? Джофрей всталъ, подошелъ къ двери и прислушался. Сдержанный говоръ, прерываемый изрѣдка смѣхомъ, донесся до него изъ кухни. Онъ вернулся къ Тедди, который съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми его движеніями.

— Вы тоже, кажется, боитесь ся? — сказалъ онъ, стараясь удержать въ равновѣсїи маленькую ложечку для соли на кончикѣ своего носа. — Она ко мнѣ строга, но вамъ ничего слѣлать не можетъ.

Боррадайль принялъ наконецъ твердое рѣшеніе. Онъ положилъ ложечку на столъ, сѣлъ и посадилъ къ себѣ на колѣни мальчика. Въ новомъ платьѣ онъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и что-то особенное въ выраженіи его лица принудило Тедди сдѣлаться неестественно серьезнымъ.

— Слушай, Тедди! Каждый человѣкъ долженъ помогать другому въ крайности.

Тедди кивнулъ головой, и взгляды его остановились на красивомъ, но мрачномъ лицѣ собесѣдника.

— То же самое говорилъ какъ-то разъ пала дядѣ Джеку, только онъ сказалъ «въ затруднительныхъ обстоятельствахъ». Быть-можетъ, это то же, что «въ крайности»?

— Совершенно вѣрно. Такъ вотъ я нахожусь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и ты одинъ можешь помочь мнѣ выйти изъ нихъ...

Сѣрые глаза Тедди сверкнули гордостью. Онъ кивнулъ головой:

— Видишь ли, — продолжалъ Боррадайль, — я не хочу, чтобы кто-нибудь зналъ о томъ, что я былъ здѣсь; нѣсколько дней не говори даже отцу своему, если хочешь помочь мнѣ. Я боюсь, что онъ пожелаетъ знать, куда дѣвалось его платье. Впрочемъ, черезъ нѣсколько часовъ я надѣюсь быть у своихъ друзей... Тутъ нѣтъ ничего такого, что могло бы повредить твоему платью, — иначе я и не обратился бы къ тебѣ, Тедди.

Боррадайль послѣшно всталъ.

— Я долженъ идти. Ты желалъ научиться поскорѣй кувыркаться, но мнѣ надо спѣшить, — теперь ночь, а мнѣ предстоитъ далекій путь.

— Я и не думаю больше объ игрѣ, — отвѣчалъ Тедди, — я желалъ бы только, чтобы вы не уходили. Намъ было бы очень весело, правда?

Боррадайль старался улыбнуться. Исполненіе просьбы мальчика было сопряжено для него со страшнымъ рискомъ. Онъ послѣшно отворилъ дверь.

— Прощай, Тедди! — сказалъ онъ. — Я тебя никогда не забуду.

Въ отвѣтъ на это Тедди, занявшійся чѣмъ-то въ шкафу, молча кивнулъ ему черезъ плечо.

Боррадайль шелъ быстро по аллеѣ и былъ уже у самыхъ воротъ, когда позади него послышались торпливые мелкіе шажки.

Это былъ совсѣмъ залыхавшійся Тедди. Подойдя къ Боррадайлю, онъ что-то сунулъ ему въ руку.

— Вотъ... я хочу... дать вамъ это... вамъ нужно, можетъ-быть. Когда дядя Джекъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ... это значитъ, что у него нѣтъ денегъ... и я думаю...

у васъ тоже нѣтъ. Это мои... каждая копѣйка... Вы можете распоряжаться ими, какъ я самъ.

Тутъ Тедди почувствовалъ вдругъ, что двѣ сильныя руки подняли его на воздухъ и сжали какъ въ тискахъ. Затѣмъ онъ ощутилъ на лицѣ что-то мокрое и былъ такъ пораженъ этимъ, что забылъ спросить, почему щека его гостя такая колючая.

Нѣсколько времени стоялъ онъ одинъ, радуясь тому, что вспомнилъ, что означаетъ «быть въ затруднительныхъ обстоятельствахъ» и нисколько неспѣша возвратился домой, гдѣ его ожидалъ выговоръ няни. Впрочемъ, какое ему было дѣло до выговора, когда онъ помогъ другому человѣку выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ?

Джофрей Боррадаиль сказалъ, что не забудетъ Тедди и не забыть. Ежегодно, въ одинъ и тотъ же день, Тедди получалъ по почтѣ красную копилку, содержащую въ себѣ вѣщицу на память, съ каждымъ разомъ все большей и большей цѣнности.

А въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ фермеровъ Австраліи, въ почетномъ углу, стояла на подставкѣ подлинная копилка, которая помог-

Онъ сунуль ему что-то въ руку.

ла хозяину этого дома найти дорогу къ благополучію.

Съ англ. Л. П—съ.

НОЧЬ.

Паль туманъ на воду сизый,
А на землю пали росы...
Ищеть ночь чадру и ризы,
Распуская свои косы.

Развернулся бархатъ ночи,
Принеся съ собой прохладу,
Въ немъ ея зажглися очи —
Звѣздъ вечернихъ мириады.

Станъ окутанъ пеленою,
На одежды брызнувъ росы,
Ночь закрылася чадрою,
Заплетая свои косы.

Виталій Вячеславскій.

Ледяныя рѣки.

Очеркъ Л. Гданскаго.

Недавно газеты сообщали о не совсѣмъ обычномъ явленіи: въ Валлійскомъ кантонѣ (въ Швейцаріи) «взорвался» глетчеръ, и взрывъ этотъ причинилъ много бѣдъ.

Это произошло у подножія горы Дэнъ-дю-Миди. Взорвался извѣстный туристамъ ледникъ Планъ-Нэве.

Явленіе взрыва, или вѣрнѣе разрыва ледниковъ подъ напоромъ воды, далеко не рѣдкое. Въ небольшихъ размѣрахъ такіе взрывы наблюдаются каждой весной въ каждомъ почти ледникѣ.

Жизнь глетчеровъ, этихъ медленно движущихся ледяныхъ рѣкъ, заключаетъ много интереснаго и знакома далеко не каждому.

Съ ней стоитъ познакомиться. Глыбы льда, медленно струящаяся со снѣжныхъ вершинъ, таятъ въ себѣ интересную страницу не только жизни горъ, но и жизни всего земного шара.

Ледники, или глетчеры, ползутъ со всѣхъ снѣговыхъ горъ. Въ Европѣ особенно крупныя глетчеры имѣются на Альпахъ и Кавказскихъ горахъ.

Въ Альпійскихъ горахъ насчитываютъ 1156 отдѣльныхъ ледниковъ. На Кавказѣ ихъ больше — 1250. Самые большіе ледники Кавказа сползаютъ по сѣвернымъ его склонамъ.

Что же представляютъ собой ледники?

Снѣгъ массаи скопляется на отлогихъ склонахъ, въ котловинахъ и долинахъ, лежащихъ выше снѣговой линіи въ горахъ. Въ лѣтніе дни снѣгъ таетъ отъ солнца, и образуемая при этомъ вода просачивается сквозь снѣгъ, смачивая отдѣльныя снѣжинки. Ночью опять все замерзаетъ. Такъ повторяется каждый день. Снѣжинки смерзаются другъ съ другомъ, образуя зерна. Такой зернистый снѣгъ называется *фирномъ*. Наверху по пологимъ склонамъ и котловинамъ его цѣлыя поля. Эти *фирновыя* поля и даютъ начало ледникамъ, или глетчерамъ.

Нижніе слои *фирна* подъ тяжестью верхнихъ постепенно слеживаются и превращаются въ сплошной прозрачный голубоватый ледъ. Ледъ не можетъ дер-

жаться на склонахъ, хотя бы и пологихъ, и постепенно сползаетъ внизъ. Переполняя котловины, онъ движется дальше, сползаетъ въ долины, и въ движеніи этомъ ледникъ похожъ на рѣку.

Впрочемъ, ледникъ и есть рѣка. Теченіе его, какъ и теченіе рѣки, подчиняется извѣстнымъ законамъ. Какъ рѣка, ледникъ принимаетъ притоки, такіе же ледяные, какъ и онъ самъ. Какъ рѣка онъ измѣняетъ, подтачиваетъ и сглаживаетъ свое русло — и дно, и берега. И такъ же, какъ любая рѣка, ледникъ отлагаетъ наносы, образуя новую почву. Въ своемъ теченіи ледникъ отрываетъ камни, обтачиваетъ, округляетъ ихъ, перетираетъ въ песокъ. На поверхности своей онъ песетъ камни, щебень, гальку и илъ.

Въ движеніи и въ работѣ своей ледникъ совершенно похожъ на рѣку, и мы смѣло можемъ называть ледники ледяными рѣками.

Въ концѣ cadaго ледника лежатъ безпорядочно нагроможденные груды песку, глины и камней. Эти скопленія ледниковыхъ наносовъ называются *нижними моренами*. Тѣ камни, которые лежатъ на поверхности ледника и движутся вмѣстѣ съ нимъ, тоже называются *моренами* — боковыми и средними, — въ зависимости отъ положенія ихъ на глетчерѣ. Мореной называется и скопленіе камней и песку, которое влечетъ за собой ледникъ и по дну. Это будетъ *поддонной мореной*.

Камни поддонной морены, ложе его и береговыя скалы исцарапаны ледникомъ. Эти шрамы — *лѣтопись* ледника, которую онъ заноситъ въ теченіе многихъ вѣковъ, и по которой ученые геологи читаютъ исторію давно исчезнувшихъ ледниковъ.

Ледники спускаются обыкновенно ниже снѣговой линіи. Но здѣсь они начинаютъ понемногу подтаивать. Ручейки, появляющіеся на поверхности ледника, стекаютъ внизъ по трещинамъ льда. И здѣсь на днѣ образуются ручьи. Эти-то поддонныя воды ледника промываютъ въ концѣ его гротъ и вырываются наружу

мутнымъ ручьемъ. Такъ получаютъ начало многія рѣки.

Ледники въ движеніи своемъ неустанно работаютъ надъ измѣненіемъ и пониженіемъ горъ. Массы движущагося льда постепенно соскабливаютъ горы, какъ рубанокъ столяра соскабливаетъ неровности доски. Работа эта производится очень медленно и только въ теченіе многихъ тысячелѣтій даетъ ощутительный результатъ. Жизнь человѣческая слишкомъ коротка для того, чтобы уловить какіе-нибудь плоды работы ледниковъ, но зато во многихъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ слѣды исчезнувшихъ ледниковъ, по которымъ и можемъ судить о характерѣ дѣятельности ледниковъ.

Между прочимъ Латвія носитъ на себѣ рѣзкіе слѣды движенія ледниковъ. Почти всюду на ея поверхности можно натолкнуться на громадные валуны, испещренные царапинами — слѣдами двигавшихся когда-то льдовъ. Особенно много такихъ валуновъ въ Курляндіи. Тамъ встрѣчаются цѣлыя поля, усыяныя валунами — остатками моренъ.

Наконецъ весь характеръ мѣстности — возвышенности, многочисленныя озера Латвіи — все плодъ работы ледниковъ, когда-то сплошь покрывавшихъ сѣверо-западъ Европы. Это было очень давно, и время это въ жизни земли носитъ названіе ледниковаго періода.

О ледниковомъ періодѣ мы поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ. Сейчасъ же вернемся опять къ нашимъ глетчерамъ-ледянымъ рѣкамъ, медленно текущимъ по вершинамъ горъ.

Ледники въ обычномъ своемъ теченіи довольно безобидны. Туристы безъ всякаго вреда для себя ходятъ по ихъ прозрачнымъ поверхностямъ, карабкаются на причудливыя глыбы ледопадовъ. Но иногда ледники приносятъ много бѣдъ. Это бываетъ тогда, когда ледникъ проточить стѣнку горной долины и вдругъ обрушится ледянымъ обваломъ внизъ.

Такъ было между прочимъ въ Верхней Бернской области въ Швейцаріи лѣтъ тридцать тому назадъ; тамъ ледникъ обрушился на цвѣтущую зеленую долину и уничтожилъ на ней всякую жизнь. Теперь это печальная пустыня, засыпанная валунами, глиной и пескомъ.

Очень близка сейчасъ къ такой же катастрофѣ долина Шпиттельмате (тоже въ Бернскомъ кантонѣ). Надъ ней угро-

жающе свѣсились языки ледниковъ, и недалеко тотъ день, когда масса льда обрушится на нее.

20-го сентября 1926 г. произошла катастрофа съ ледникомъ Планъ-Наве, о которой я упомянулъ въ началѣ этой статьи. Въ жизни ледниковъ она довольно рѣдка и своеобразна.

Произошла она слѣдующимъ образомъ. Благодаря особенно теплой погодѣ, таяніе льдовъ протекало усиленнымъ образомъ. Вода, скапливавшаяся на днѣ ледника, не могла вылиться вся черезъ ворота — онѣ оказались узкими. Стѣнки ледника долго противустояли напору воды, но наконецъ не выдержали — вода разорвала ихъ. При этомъ получилось полное впечатлѣніе взрыва. Ледъ съ грохотомъ разлетѣлся въ стороны огромными глыбами, точно его взорвали бочкой динамита. Вода хлынула бѣшенымъ потокомъ внизъ — въ долину рѣки Роны.

Потокъ этотъ по пути сорвалъ мостъ и разрушилъ сооруженіе водопровода, а влившись въ Рону, заставилъ ее выступить изъ береговъ. Произошло большое наводненіе.

Самъ ледникъ Планъ-Наве сильно пострадалъ отъ этого своеобразнаго взрыва — онъ сталъ совсемъ маленькимъ. Большую часть его унесли въ видѣ обломковъ бѣшенныя воды. Между прочимъ, нѣчто подобное случилось въ серединѣ прошлаго столѣтія на Кавказѣ. Тамъ силой донной воды были выброшены изъ котловины одинъ изъ 15 ледниковъ, сползающихъ съ Эльбруса.

Однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ европейскихъ ледниковъ являются ледники Кавказскихъ горъ. Особенной извѣстностью пользуются Цейскій и Караяумскій ледники, имѣющіе ледопады.

Ледопадъ, это — хаосъ ледяныхъ скалъ, обломковъ, трещинъ, ледяныхъ пирамидъ, столбовъ. Они тѣнятся другъ надъ другомъ, свисаютъ огромными сосульками. Кажется, что все это вотъ-вотъ зашумитъ, загрохочетъ, бѣшено помчится внизъ...

Ледопады образуются тамъ, гдѣ дно ледника прерывается уступами. Понятно, уступы эти сглаживаются современнымъ льдомъ, и ледопады пропадаютъ. Дѣлается это довольно быстро. Напримеръ, въ 1850 г. на Цейскомъ ледникѣ

было восемь ледопадовъ, а въ 1910 г. ихъ осталось только три.

Въ Россіи ледники существуютъ не только на Кавказскихъ горахъ. Богатыми сибирскій Алтай, а еще богаче горы Туркестана: ледники Тянь-Шаня достигаютъ поразительной величины. Самый громадный изъ нихъ Зарешванскій. До него далеко самымъ знаменитымъ ледникамъ Европы — длиною онъ въ 30 верстъ.

Наблюденіямъ за ледниками и ихъ движеніями удѣлена цѣлая наука. На-

блюденія эти приносятъ большую пользу населенію горныхъ областей, такъ какъ предупреждаютъ ихъ о лавинахъ и иныхъ опасностяхъ, связанныхъ съ движеніемъ ледниковъ.

Кромѣ того, совершая разрушительную и созидательную работу, ледники мѣняютъ лицо земли, и, знакомясь съ существующими ледниками, мы начинаемъ многое понимать изъ прошлаго земли, скрытаго отъ насъ мракомъ тысячелѣтій.

ИЗЪ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Дуріанъ.

По всему малайскому архипелагу распространено дерево, именуемое ботаниками *Durio cibethinus*. Это — большое дерево съ довольно рѣдкими вѣтками и листьями. Листья узкіе, продолговатые. Замѣчательнъ плодъ этого дерева. Онъ большой, сант. 30 въ длину, продолговатый или круглый и весь усаженъ большими крѣпкими шипами. Но замѣчательное въ немъ не его форма или видъ, а его совершенно своеобразные вкусъ и ароматъ.

Путешественникъ Линнотъ еще въ 1599 году писалъ о дуріанѣ, что «по словамъ отвѣдавшихъ его, онъ обладаетъ такимъ приятнымъ вкусомъ, что превосходить всѣ плоды міра.» Знаменитый путешественникъ Уоллесъ, изучавшій Малайскій архипелагъ въ продолженіе 8 лѣтъ, съ меньшимъ восторгомъ отзывается объ этомъ плодѣ: «Было бы, пожалуй, неправильно — писать онъ о дуріанѣ — называть его лучшимъ изъ фруктовъ, потому что онъ не можетъ замѣнить кисловатые сорта фруктовъ, какъ, на примѣръ, апельсинъ, виноградъ, манго и мангостанъ, освѣжительныя качества которыхъ столь полезны и приятны, но какъ ѣда тончайшаго аромата, онъ не имѣетъ равнаго. Если бы мнѣ пришлось выбирать, я объявилъ бы дуріанъ царемъ и апельсинъ царицей плодовъ.»

Прочитавъ эти восторженные отзывы,

читатель былъ бы сначала сильно разочарованъ, если бы ему подали дуріанъ. Онъ, вѣроятно, заткнулъ бы носъ и отказался отъ сомнительнаго, какъ ему показалось бы, удовольствія отвѣдать плода: на него пахнуло бы гнилымъ лукомъ и какимъ-то неопредѣлимымъ неприятнымъ запахомъ. Но стоитъ побороть первое отвращеніе къ дуріану и взять на языкъ ложку молочно-бѣлаго содержимаго этого плода, какъ мнѣніе о немъ сразу же переименуется. Плодъ содержитъ 5 долекъ, изъ которыхъ каждая наполнена желтоватой густой массой, въ которой находится 2—3 кости величиной съ каштанъ. Бьютъ только желтоватую массу, вкусъ которой можно было бы до извѣстной степени сравнить съ густымъ сладкимъ соусомъ, приготовленнымъ на яйцахъ, съ миндалемъ и приправленнымъ сыромъ, лукомъ, виномъ и пряностями. «Въ немъ нѣтъ ни кислоты, ни особой сладости, ни сочности, — говоритъ Уоллесъ, — но отсутствіе этихъ качествъ не замѣчается. Дуріанъ совершененъ именно такимъ, каковъ онъ есть, и чѣмъ больше его ѣшь, тѣмъ больше хочется. Ёсть дуріанъ — это новое неизвѣданное ощущеніе, испытать которое стоитъ даже трудностей путешествія на востокъ.»

Туземцы утверждаютъ, что даже тигръ, пренебрегающій всякой растительной пищей, охотно лакомится дуріаномъ.

Кожура этого плода настолько прочна, что она не лопается при падении съ высокаго дерева. Небезопасно поэтому находиться подъ такимъ деревомъ, когда плоды его созреваютъ: нерѣдко

случается, что падающій дурланъ ранилъ человѣка. При этомъ опасны его крѣпкіе шипы, способные нанести страшную рану.

Вулканическія бомбы.

Въ вулканическихъ мѣстностяхъ, на сравнительно большой глубинѣ твердой земной коры, лежатъ крупныя скопленія горячей магмы, которая отдѣлилась отъ раскаленныхъ земныхъ массъ.

Лежащія сверху пласты земли своей страшной тяжестью препятствуютъ расширенію, расплавленію или поднятію этихъ массъ.

Магма насыщена водяными парами и разными газами, которые находятся въ состояніи необычайнаго сжатія, благодаря испытываемому ими давленію.

Сжатые газы распираютъ массу магмы изнутри; напряженіе это иногда достигаетъ такой силы, что паровыя скопленія, преодолевая всѣ препятствія, прокладываютъ себѣ путь такимъ образомъ, какъ пороховые газы пробиваютъ дорогу въ стволѣ орудія.

Тогда-то и наступаетъ вулканическое изверженіе: съ трескомъ пробиваются скалистыя наслоенія и выбрасываютъ большіе и маленькіе обломки, которые называются бомбами: наибольшія изъ нихъ имѣютъ въ поперечникѣ нѣсколько метровъ и отлетаютъ въ сторону на нѣсколько километровъ: эти обломки состоятъ изъ частицъ магмы, а также изъ частей лежащихъ надъ ней пластовъ земли.

Глыбы, выбрасываемыя вверхъ, падаютъ съ глухимъ грохотомъ назадъ и растапливаются въ лавѣ, которая начинаетъ подыматься къ жерлу вулкана, по пути, проложенному для нея взрывомъ. Случается также, что бомбы, которые летятъ по вертикальной линіи вверхъ, послѣ обратнаго паденія новымъ

взрывомъ бываютъ снова подброшены кверху; эти бомбы состоятъ изъ двухъ частей: изъ ядра, которое уже совершило полетъ вверхъ, и изъ лавинной корки, которая послѣ паденія ядра обратно въ вулканъ, образовавшись изъ лавы, обложила ядро и при вторичномъ вылетѣ вверхъ застыла въ воздухѣ.

Часто глыбы, вылетающія изъ кратера въ стороны, падаютъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ и при паденіи разрываются точно бомбы со страшной стремительностью, разрушая все на своемъ пути.

Такъ что можетъ легко случиться, что мѣстность, которая находится сравнительно далеко отъ огнедышащей горы, оказывается сильно пострадавшей.

На сѣверѣ отъ Сициліи расположенъ островъ Вулкано, который, въ сущности, есть кратеръ вулкана. На этомъ островѣ и посейчасъ можно видѣть вулканическія бомбы, свидѣтелей прежнихъ изверженій: онѣ состоятъ изъ лавы и различныхъ породъ камней.

Бомбы эти во время изверженій принесли не мало опустошеній на плодородной почвѣ острова, гдѣ жители занимаются разведеніемъ винограда и оливковыхъ деревьевъ. — Теперь уже много лѣтъ, какъ на этомъ островѣ царитъ полный покой.

Также и въ Германіи, въ окрестностяхъ многочисленныхъ потухшихъ вулкановъ, можно найти такія же бомбы, напоминающія о бывшихъ изверженіяхъ, которыя въ свое время опустошали большія пространства.

Е. Г.

Свѣтящіяся жемчужины.

Недавно возлѣ Цейлона выловлена диковинная свѣтящаяся жемчужина. Она круглая, выпуклая съ одной стороны и плоская съ другой. Жемчужина то матовая, то сверкаетъ серебристымъ или золотистымъ свѣтомъ. Величиною она съ небольшою орѣхъ.

Такія жемчужины очень рѣдки. По крайней мѣрѣ эта — только второй экземпляръ, извѣстный науцѣ. Первая точно такая жемчужина была найдена въ 1910 году около Санъ-Ремо и находится въ океанографическомъ музеѣ въ Монако.

нулась подъ напоромъ вѣтра, и теченіемъ ее снова понесло на востокъ.

— Ура, — сказалъ Викъ. — Мы теперь въ безопасности.

Но этого нельзя было сказать. Тилли прекрасно зналъ условія теченія и зналъ, что при такомъ вѣтрѣ оно стремится прямо къ Воротамъ Дога. Это были двѣ уединенныя скалы неподалеку отъ Устричной мели, возлѣ которыхъ погибло не одно судно. Тилли сообщилъ это друзьямъ, и восторгъ Вика снова потухъ. Однако кругосвѣтному путешественнику непростительно было теряться передъ такой ничтожной опасностью. Онъ сказалъ:

— За островомъ не должно быть такого вѣтра. Попробуемъ выбиться изъ полосы теченія.

Тилли грустно посмотрѣлъ на свернутые паруса. Новое судно, несомнѣнно, способно было на такую штуку, но на оснастку «Капитана Кидда» не было надежды. Однако выбора не было, и Тилли рѣшился на крутую мѣру.

Нужно было поставить гротъ и воспользоваться всей парусностью, чтобы выйти изъ роковой полосы теченія. При шквалахъ, налетавшихъ ежеминутно, это было работой почти непосильной для двухъ мальчиковъ. Тилли не могъ помочь: нельзя было ни на секунду выпустить руля изъ рукъ; и Вика съ Миккой пришлось потрудиться. Взявшись за шкоты, они принялись тянуть гротъ. Парусъ вырывался, хлопалъ, ежеминутно грозя опрокинуть утлое судно, а что хуже всего, снасти скрипѣли и трещали, готовые лопнуть. Но гротъ все-таки былъ поставленъ. Изнеможенный работой, экипажъ съ упованіемъ поглядѣлъ на своего капитана. Тилли налегъ на руль, поворачивая судно. «Капитанъ Киддъ» отчаянно заскрипѣлъ и затре-

щаль, точно собираясь развалиться, но свернуть таки съ опаснаго пути.

Мальчики легче вздохнули. Лодка, замедливъ ходъ, повернула на юго-востокъ. Она давала такой кренъ, что хорошій шкваль могъ ее опрокинуть въ четверть секунды, и мальчики молили небо хотъ на десять минутъ не посылать шквала.

Викъ и Микко держались за фалы, готовясь каждую секунду опустить гротъ, и съ замирающимъ сердцемъ смотрѣли, какъ къ нимъ придвигался широкой выступъ восточнаго берега острова, за которымъ они могли себя чувствовать въ безопасности.

Шквалы притихли. Но старые паруса не могли выдержать натиска вѣтра. Заплаты на гротѣ поползли вдругъ, и онъ разорвался, издавъ звукъ выстрѣла. Разорванныя половины паруса затрепетали и, прежде чѣмъ мальчики успѣли придти къ нимъ на помощь, вѣтромъ унесло ихъ въ море.

Тилли печально слѣдилъ за гибелью своего имущества. Онъ не сказалъ ни слова, даже не вздохнулъ. «Капитанъ Киддъ» лишился грота, но зато жертва достигла цѣли: судно выбилось изъ полосы опаснаго теченія и вошло въ воды, защищенныя отъ свирѣпаго вѣтра береговыми утесами.

Здѣсь даже море было спокойнѣе, а вѣтра было ровно столько, чтобы идти на кливерѣ.

Миновавъ черепичную крышу фермы Густава Вейзе, виднѣвшуюся за скалами въ пучкѣ зелени, мальчики вѣхали въ небольшую бухточку.

Всѣ были крайне утомлены, и дальнѣйшее путешествіе было немислимо. Они склонны были пройти пѣшкомъ пять верстъ, отдѣлявшія ферму Вейзе отъ городка, но вѣхатъ моремъ было свыше ихъ силъ.

Мѣсто было удобное для стоянки. Двѣ лодки Густава Вейзе стояли тутъ же, и мальчики подвели къ нимъ «Капитана Кидда». Пока они хлопотали съ причаломъ, на берегу появился небольшой толстый человѣчекъ въ широкополой шляпѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ сверху слѣдилъ за работой дѣтей.

— Эй, ребята, — окликнулъ онъ ихъ наконецъ. — Пристань Густава Вейзе не рассчитана на лишнія суда. Не лучше ли вамъ было бы отвести лодку за мысокъ, къ ручью?

Тилли не безъ достоинства отвѣтилъ на это:

— Нѣтъ, господинъ Вейзе, это намъ не подходитъ. Мы чуть не потерпѣли крушенія и потеряли паруса. «Капитану Кидду» хватить мѣста здѣсь и будетъ довольно удобно.

— А, это ты, пострѣль! — улыбнулся толстякъ. — Я, признаться, не узналъ твоего «Капитана Кидда» — его-таки здорово потрепало. Само собой разумѣется, что для такого великолѣпнаго судна мои корыта могутъ немного потѣсниться. Откуда вы?

— Насъ снесло теченіемъ, и мы не рассчитывали попасть къ вамъ въ гости, — сказалъ Тилли, выходя на берегъ. — Добраго вечера!

Толстякъ залился веселымъ смѣхомъ.

— Какъ это важно, Тилли! Я тоже не рассчитывалъ сегодня видѣть васъ, но все-таки милости прошу ко мнѣ — обогрѣться и покушать: Вижу, что вы голодны, какъ акулы, ха... ха... ха... какъ самыя молодыя акулы.

Аппетитъ дѣйствительно давалъ себя чувствовать, и перспектива прогулки на тощій желудокъ мало улыбалась друзьямъ. Они съ удовольствіемъ приняли радушное предложеніе фермера.

Небольшой домикъ Вейзе стоялъ тутъ же за группой береговыхъ скалъ, укрытый купой деревьевъ. Бѣленькій, чистенькій, онъ выглядѣлъ такъ же весело, какъ и его добродушный толстякъ-хозяинъ.

— Хозяйка, — крикнулъ фермеръ, пріоткрывая дверь своего дома, — я веду гостей къ тебѣ. Надѣюсь, что этого негодника Лео нѣтъ дома, чтобы встрѣтить товарищей?

Мадамъ Вейзе — маленькая полная женщина съ пріятнымъ румянымъ лицомъ, — встрѣтила мальчиковъ не менѣе радушно:

Здравствуйте, сорванцы. Давно тебя не видно здѣсь, Тилли... И Микко здѣсь? А этотъ, третій-то кто? Ужъ не племянникъ ли сестеръ Эльсто?

Веселые голубые глаза улыбнулись Вику, и мальчикъ поклонился фермершѣ со всей вѣжливостью благовоспитаннаго горожанина.

— Мнѣ очень пріятно, дѣти, что вы пришли, — заговорила опять мадамъ Вейзе, оправляя короткими, точно перевязанными ниточками въ суставахъ, пальцами темный повойникъ на головѣ. А Лео нѣтъ дома — шатается гдѣ-то... Надѣюсь, сорванцы, у васъ дома всѣ здоровы? Что это видѣ у васъ такой усталый?

Фермеръ отвѣтилъ за дѣтей:

— Э, матушка, занесло ихъ сюда противъ воли... Ха... ха... Эти маленькіе негодяи задумали кататься на морѣ въ такую погоду и чуть не угодили въ Ворота Дога... Ха..., ха... Славно придумали? а?

И толстякъ, подмигнувъ мальчикамъ, залился веселымъ смѣхомъ, точно разсказалъ самую забавную вещь въ свѣтѣ.

Жена его всплеснула руками.

— Эй, ребята! — окликнул онъ ихъ наконецъ. — Пристань Густава Вейзе не разчитана на лишнія суда.

— Ай, Воже мой! — воскликнула она въ ужасѣ: — ну, какъ же такъ можно, дѣточки! Ай-ай! Да вы, вѣрно, проголодались? А не промокли? Нѣтъ? Ну такъ я угощу васъ добрымъ кускомъ ветчины, самымъ горячимъ бѣлымъ хлѣбомъ и козьимъ молокомъ. Ладно?

И, говоря это, фермерша помчалась на кухню. — точно покотился пышный цвѣтной шаръ...

Вскорѣ на столѣ появилась ѣда. Бѣлый хлѣбъ даже дымился еще, а ветчина со слоемъ крѣпкаго пожелтѣвшаго сала сама просилась въ ротъ. Масло было бѣлое, и точно гора крема лежало въ розовой масленкѣ, а молоко густымъ слоемъ облипало глиняныя кружки.

Мальчиковъ не приходилось упрашивать. Они, точно голодные звѣрята, напали на ѣду и отдали ей должное. Нѣкоторое время въ комнатѣ слышался только стукъ ножей о тарелки, хрусть румяной свѣжей корки на острыхъ зубахъ и чавканье трехъ быстрыхъ ртовъ.

Густавъ Вейзе сидѣлъ возлѣ двери, попыхивая трубкой, и съ улыбкой созерцалъ мальчиковъ. Мадамъ Вейзе исчезла куда-то въ кладовую и вернулась съ цѣлымъ ворохомъ орѣховъ и яблокъ.

— А это вамъ на закуску да и въ дорогу заберите, — высыпала она на столъ сладкую ношу.

Викю до сихъ поръ не приходилось бывать въ гостяхъ у жителей Эрбоса, и супруги Вейзе показали ему самыми ласковыми и гостепріимными людьми въ мірѣ. Особенно поразила его фермерша, которая, казалось, не знала чѣмъ бы угостить ребятъ лучше и приласкать ихъ.

Какъ ни хорошо было въ гостяхъ, но нужно было собираться домой. Викъ съ сожалѣніемъ въ душѣ покинулъ свѣтлую горницу съ кисейными занавѣсками на окнахъ и полинявшей кожаной

мебелью. Самъ Вейзе проводилъ ихъ до дороги и пожелалъ имъ добраго пути. Добродушный фермеръ при этомъ крѣпко пожалъ мальчикамъ руки и расхохотался такъ заразительно, что дѣти невольно разсмѣялись вмѣстѣ съ нимъ.

— Вы, господинъ Вейзе, присмотрите за «Капитаномъ Киддомъ», — сказалъ Тилли напоследокъ.

— Будь спокоенъ, — солидно отвѣтилъ толстякъ, — у меня ему ничего не сдѣлается.

Но сердце Тилли все-таки болѣло за лодку. Ему хотѣлось хоть взглянуть на нее и осмотрѣть разрушенія въ оснасткѣ. Поэтому онъ уговорилъ друзей вернуться къ бухтѣ.

— Мы пройдемъ потомъ лѣсомъ, мимо Мышиной горы и по Эрбосской дорогѣ. Намъ ничуть не будетъ дальше.

Микко тревожно посмотрѣлъ на небо. Солнце стояло почти надъ самымъ лѣсомъ.

— Влетитъ намъ дома — вотъ что, — сказалъ онъ: — мы попадемъ въ городъ только послѣ заката.

Однако промедленіе въ полчаса нисколько не мѣняло дѣла. Мальчики свернули съ дороги и, переправшись черезъ скалистую гряду, спустились по тропинкѣ къ бухтѣ.

«Капитанъ Киддъ» представлялъ собою печальную картину. Гротъ у него былъ уничтоженъ почти на три четверти; и жалкіе обрывки, болтавшіеся на реѣ, были похожи на лохмотья нищаго. Два шкота лопнули, и мачта устояла какимъ-то чудомъ. Мальчики, обозрѣвъ поврежденія, переглянулись, а Тилли сталъ печаленъ и озабоченъ.

— Прощай, оснастка! — сказалъ онъ. — Теперь нужно дѣлать новый гротъ, да, пожалуй, и всѣ паруса, а гдѣ взять денегъ?

Друзья не могли помочь горю. Они только сочувственно вздохнули, а Микко сказалъ:

— Можетъ быть, придумаемъ что-нибудь вмѣстѣ... А пока... пойдѣмъ домой.

Бѣднягѣ сильно докучала мысль о какомъ-то порученіи отца, которое онъ долженъ былъ исполнить, и собственная тревога было больше сочувствія несчастью друга.

VIII.

Мальчики пошли по береговой полосѣ молча, погруженные каждый въ мрачныя думы о собственныхъ дѣлахъ. Викъ раздумывалъ о томъ, что придется выслушать отъ тетки Марты рядъ упрековъ — несомнѣнно, мадамъ Валто передала ей кое-что относительно его утренняго отсутствія въ школѣ. Микко самъ сказалъ, что случайно проговорился, а этого было вполне достаточно. Викъ пріунылъ. Огорченный видъ добродушной тетки терзалъ его въ тысячу разъ хуже, чѣмъ пучокъ лозняка господина Аннуса.

Тилли горько оплакивалъ (въ душѣ, конечно) паруса своего великолѣпнаго судна. Ему нечего было рассчитывать на помощь со стороны отца или матери: первый не дастъ денегъ на новыя паруса, считая ихъ пустой прихотью, а мать даже будетъ рада, пожалуй, что «Кап. Киддъ» лишился возможности выходить въ море и стоять у фермы Вейзе. Ея сердце никогда не было спокойно за сына, пока старая ладья стояла у мола въ полной готовности нести Тилли навстрѣчу приключеніямъ, которыхъ жаждала его душа, какъ сухая губка воды.

Микко беспокоилъ гнѣвъ родителя, и его тревоги вращались въ кругу возможностей придти въ соприкосновеніе съ толстымъ кожанымъ ремнемъ,

блестѣвшимъ отъ долгаго употребленія. Такъ какъ обычно ремень висѣлъ на стѣнѣ, то злые языки маленькихъ насмѣшницъ въ школѣ говорили, что отполировала его исключительно кожа бѣднаго Микко. Этотъ ремень теперь и занималъ главнымъ образомъ мысли мальчика, шедшаго по каменистой тропинкѣ слѣдомъ за Тилли.

Молча дошли друзья до густыхъ зарослей кустовъ, окаймлявшихъ маленькую неприступную бухточку, въ которую впадалъ ручей. Скалы, обрываясь отвѣсными стѣнами, затрудняли доступъ въ бухту, а кусты, разросшіеся на берегу, совершенно закрывали ее отъ любопытнаго взгляда. Это была та бухта, о которой говорилъ мальчику фермеръ и которую прекрасно зналъ Тилли.

Пріятелямъ нужно было обогнуть бухточку, и они пошли по чуть замѣтной тропинкѣ между отрогами камней. Викъ, рассматривая бухту, замѣтилъ какъ что-то блеснуло въ кустахъ. Приглядѣвшись, онъ разобралъ, сквозь листву, очертанія какого-то большого предмета и кусокъ мѣди, блестѣвшій на немъ.

— Эй, Тилли, — сказалъ онъ, — смотри-ка, что тамъ?

Тилли, карабкавшійся впереди, остановился, придерживаясь за уступъ скалы. Онъ напоминалъ птицу на карнизѣ дома.

— Это лодка! — увѣренно заявилъ Тилли. — И знаете, что я вамъ скажу, это — та лодка, что украдена у таможенныхъ.

Мальчики пришли въ возбужденіе. Они торопливо сползли со скалы внизъ, почти скатились, покрывшись ссадинами и царапинами. Имъ пришлось войти въ воду по колѣно, такъ какъ не было другой удобной дороги; и обогнуть выступъ скалы, чтобы заглянуть вглубь бухты. Тамъ, подъ темной

аркой зелени, почти въ полумракѣ, поблескивала новенькой полировкой маленькая лодочка. На кормѣ лакъ былъ соскобленъ безобразными пятнами, обнаруживавшими шпаклевку: должно быть, кто-то удалилъ съ лодки названіе судна, которому она принадлежала.

— Это Бенъ Гуннъ привелъ ее сюда, — сказалъ Викъ, сообразивъ, что Мышиная гора здѣсь неподалеку: — ему нужна, вѣрно, лодка для какихъ-то поѣздокъ...

— Для контрабанды, конечно! А молодецъ онъ все-таки! — одобрительно замѣтилъ Тилли.

— Конечно, молодецъ! Не дарить же сѣкрытъ курткамъ такую лодку.

Но симпатіи Вика не были на сторонѣ моряка. Утреннее свиданіе съ Беномъ Гунномъ разочаровало мальчика. Въ его глазахъ таинственный морякъ былъ просто темною личностью. Однако Викъ не высказалъ своихъ мыслей.

Друзьямъ пришлось вбродѣ перебираться черезъ ручей, и они вошли въ чащу кустарника. Продираясь сквозь заросли, Тилли и Микко говорили о Бенѣ Гуннѣ, а Викъ молчалъ. Вдругъ Тилли, шедшій впереди всѣхъ, вскрикнулъ и остановился, какъ вкопанный. Микко и Викъ подбѣжали къ нему.

— Что съ тобой? — спросилъ Викъ. — Змѣю, что ли...

Лицо Тилли было блѣдно, и глаза выкатились отъ ужаса. Онъ протянулъ впередъ дрожащую руку и указалъ на что-то продолговатое и темное, лежавшее въ кустахъ.

Взглянувъ на странный предметъ, съ неподвижностью камня лежавшій подъ кустами, мальчики тоже задрожали. Имъ захотѣлось бѣжать от-

Взглянувъ на страшный предметъ, лежавшій подъ кустами, мальчики задрожали.

сюда, сломя голову, но они пересилили себя и остались.

— Кто это? — шопотомъ спросилъ Микко.

— Кто его знаетъ...

Наступила зловѣщая тишина. Слабо пискнула гдѣ-то пичужка.

— Можетъ быть... онъ спитъ? — робко нарушилъ молчаніе Викъ.

Н... не думаю, — также робко отозвался Тилли. — Кто не струситъ подойти къ нему?

Всѣ трусили. Блѣдныя, какъ полотно, лица переглянулись, но никто не сдвинулся съ мѣста. Викъ прошепталъ:

— Господи!

— Не вернуться ли къ Вейзе? — спросилъ Тилли.

Но Микко запротестовалъ.

— Нѣтъ, не стоитъ! Лучше добѣжимъ до фермы Кеммера: она по дорогѣ.

Послѣ колебаній мальчики все-таки рискнули подойти къ неподвижно-распростертому тѣлу чело-вѣка. Лицо его было скрыто кустами, но одного взгляда на длинные раскинутые члены и коричневую куртку было достаточно, чтобы узнать, кто это.

— Кедрикъ! — прошепталъ Микко, отступая отъ тѣла.

Кедрикъ былъ мертвъ. Положеніе тѣла и кровавыя пятна, окрасившія траву и прошлогоднюю сухую листву, лучше всякихъ словъ говорили за это. Мальчики, подавленные леденящимъ чувствомъ ужаса, молча постояли надъ убитымъ. Потомъ Тилли, наклонившись, попытался заглянуть въ лицо Кедрика, но не рискнулъ подойти. У Микко хватило храбрости дотронуться до загорѣлой руки, протянутой возлѣ его ногъ и стиснутой въ

кулакъ. Онъ вздрогнулъ, и глаза его стали совсѣмъ круглыми при этомъ.

— Холодный, какъ ледъ, — сообщилъ онъ друзьямъ.

Въ тѣни кустовъ были уже сумерки. Присутствіе трупа порождало жуткое чувство. Мальчики, боязливо косясь на тѣло, обошли его и вдругъ бросились бѣгомъ сквозь кусты. Имъ показалось, что кто-то гонится за ними, хватаятъ ихъ за куртки. Сердца бѣшено колотились, и мальчики, держась другъ за друга, мчались точно птицы. Пробившись, наконецъ, на тропинку, они остановились перевести духъ.

— Бѣдный Кедрикъ! — сказалъ Тилли, утирая ладонью потъ съ лица.

— Да. Онъ былъ хорошій... Онъ мнѣ какъ-то вырѣзалъ лодку, — отозвался Микко.

— Кто это его?

Тилли пожалъ плечами.

— Пожалуй, что Бенъ Гуннъ...

— Пожалуй...

Викъ почувствовалъ дрожь холода.

— Если Бенъ Гуннъ, то жалко, что мы сняли его тогда съ Устричной мели. Лучше бы онъ тамъ пропалъ.

— Конечно, лучше. Пойдемъ дальше.

IX.

Друзьямъ пришлось пройти мимо Вѣдьмина дома. Это была печальная развалина, безъ крыльца, съ вынутыми рамами оконъ и наполовину рухнувшей крышей. Обломанная сверху печная труба казалась почернѣвшимъ зубомъ и еле стояла. Ворона, сидѣвшая на ней, не могла найти болѣе удоб-

наге мѣста, чтобы мрачнымъ карканьемъ навѣять жуть на переполошенныхъ ребятъ. Мальчики скорымъ шагомъ прошли мимо дома, при чемъ Тилли бормоталъ торопливо что-то: онъ зналъ какія-то заклинанія противъ вѣдьмы и призраковъ.

Позади дома возлѣ забора, изломаннаго и заросшаго сорными травами, они неожиданно столкнулись съ Беномъ Гунномъ. Морякъ, казалось, выросъ изъ-подъ земли, и мальчики въ страхѣ остолбенѣли.

— А, мои друзья! — весело воскликнулъ Бенъ Гуннъ, — вы откуда это? Э. да на васъ лица нѣтъ. чего это вы испугались?

Онъ подозрительно какъ-то посмотрѣлъ на лица друзей. Викъ замѣтилъ выраженіе тревоги, промелькнувшей въ его взорѣ.

— Мы чуть не потерпѣли крушенія, — отвѣтилъ Микко, — а теперь испугались васъ. Вѣдь тутъ бродятъ призраки.

— Ахъ вотъ что, храбрые моряки!

Морякъ засмѣялся, но смѣхъ его былъ натянутый, неестественный.

— А вы какой дорогой шли?

Тилли кинулъ быстрый взглядъ на товарищей.

— Мимо фермы Вейзе прямо на Мышиную гору.

— А...

Бенъ Гуннъ точно почувствовалъ облегченіе и повеселѣлъ.

— По дорогѣ вы, надѣюсь, не встрѣтили ничего страшнаго, а, мальцы? Теперь по домамъ, да?

Викъ кивнулъ головой за всѣхъ. Глядя на моряка, онъ вдругъ замѣтилъ свѣжее бурое пятно на его курткѣ и измѣнился въ лицѣ. Несомнѣн-

но, это была кровь! Бенъ Гуннъ замѣтилъ взгляды мальчика и какъ бы смутился.

— А у меня тутъ кровь изъ носу шла, — сказалъ онъ, оглядывая взглядомъ костюмъ. — Видите, какъ искровянился? Вотъ и на рукахъ слѣды — точно рѣзаль кого-то...

Мальчики содрогнулись отъ этихъ хладнокровныхъ словъ, но постарались не выдать себя. Убийца межъ тѣмъ говорилъ, стараясь навязать свою мысль мальчикамъ:

— Это послѣдствія желтой лихорадки, ребята, — кровотеченіе изъ носу... Какъ пойдетъ она, такъ не удержишь ничѣмъ. Все это желтая лихорадка... Да, ребята, коли придется вамъ шататься по свѣту, бойтесь желтой лихорадки... Ну, прощайте, однако — заболтался я съ вами.

Мальчики были рады отвязаться отъ Бена Гунна: присутствіе его навѣвало на нихъ ужасъ.

— Это онъ убилъ! — въ одинъ голосъ воскликнули друзья, когда фигура Бена Гунна скрылась изъ виду.

— Кровь на платъѣ...

— И на рукахъ...

— А ножъ видалъ подъ курткой? Клянусь честью, на немъ я видѣлъ слѣды крови...

— А Кеммеру мы скажемъ про Бена? — спросилъ Тилли.

Друзья замялись.

— Слѣдовало бы сказать, — отозвался Викъ. — да только...

Одна и та же мысль мелькнула у всѣхъ: а что, если моряка не поймаютъ? Перспектива имѣть дѣло съ местью убійцы показалась незавидною.

— Я думаю, говорить незачѣмъ. И потомъ мы не увѣрены, что онъ убилъ... Мы не видали...

Микко явно поступался совѣстью. Онъ это чувствовалъ и краснѣлъ отъ досады.

— Господи! Конечно, мы не видали, — подхватилъ Викъ живо. — Мы можемъ только подозревать, а о подозрѣнiяхъ лучше не говорить пока.

— И даже дома?

— И дома.

На этомъ и порѣшили.

На ферму Кеммера вѣсть о страшной находкѣ въ кустахъ дошла, однако, помимо мальчиковъ. Когда они подходили къ фермѣ, то встрѣтились съ цѣлой толпой народа. Тутъ были горожане и рыбаки изъ поселка Эрбось, а также всѣ городскiя власти въ лицѣ Герса Хенсена, судьи и полицейскаго. Вся эта толпа спѣшила къ мѣсту происшеcтвiя, гудѣла и волновалась, точно пчелиный рой. Слышались отдѣльные возгласы, по которымъ друзья поняли, что вѣсть объ убiйствѣ дошла до города и выгнала оттуда всю эту толпу.

Мальчики переглянулись.

— Ну, теперь лучше намъ молчать, — сказалъ Тилли.

— Да.

Всѣ трое почувствовали облегченiе. Можно было уклониться отъ какихъ бы то ни было разспросовъ и молчать, какъ дохлыя рыбы. Они вмѣшались въ толпу и постарались узнать подробности. Оказалось, что на трупъ Кедрика наткнулся случайно работникъ Кеммера. Онъ былъ въ заросляхъ у ручья и рѣзалъ лознякъ для корзинъ, какъ вдругъ ему послышался чей-то крикъ. Онъ пошелъ на крикъ, но ничего не нашелъ. Только фигура какого-то мужчины мелькнула въ чащѣ и скрылась. Думая просто, что это шутка, парень вернулся и продолжалъ свое дѣло. Нарѣзавъ вязку, онъ понесъ ее на дорогу и тутъ наткнулся въ

Другъ Россіи, юношества и искусства.

Къ 80-тому дню рожденія П. Г. Ганзена.

П. Г. Ганзень.

Каждый изъ нашихъ читателей знаетъ сказки Андерсена. Если не всё, то нѣсколько изъ нихъ — по тѣмъ безчисленнымъ сборникамъ сказокъ, которые издавались и долго еще будутъ издаваться какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами ея.

Великій сказочникъ Андерсенъ рассказывалъ свои сказки на датскомъ языкѣ. Мы никогда бы не узнали чудесныхъ рассказовъ: «Соловей», «Гадкій утенокъ», «Пастушка и трубочистъ», «Калоши счастья» и др., если бы не нашелся человекъ, сумѣвшій передать ихъ на русскомъ языкѣ.

И не только передать, но и сохранить все ихъ волшебное очарованіе, всю красоту какъ стили, такъ и содержанія.

Перевести что-нибудь съ одного языка на другой очень просто — нужно только знать эти языки. Но перевести такъ, чтобы вмѣстѣ съ переводомъ въ книгѣ на чуждомъ языкѣ ожила бы душа автора, чтобы неприкосновенными остались бы какъ его мысли, такъ и чувства, — очень трудно. Для этого нужно глубокое любовное проникновеніе въ сочиненія переводимаго автора и

большой, Богомъ данный, литературный талантъ.

Безъ этихъ свойствъ переводчика переводъ будетъ мертвымъ. Онъ передастъ значеніе и смыслъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, но не выявитъ ни лица, ни души автора и не произведетъ никакого впечатлѣнія на читателя.

Когда вы читаете по-русски сказки Андерсена, — онѣ васъ увлекаютъ, восхищаютъ, волнуютъ тысячью различныхъ переживаній. Это потому, что въ переводѣ онѣ звучатъ такъ же, какъ и на датскомъ языкѣ. Переводчикъ не просто перевелъ ихъ, но и сохранилъ въ нихъ душу автора, всю силу его волшебнаго таланта и красоту его языка.

Имя человекъ, давшего на русскомъ языкѣ полное собраніе чудесныхъ сказокъ Андерсена, — Петръ Готфридовичъ Ганзень. Ему на-дняхъ (12 октября 1926 г.) исполнилось 80 лѣтъ.

Петръ Готфридовичъ Ганзень знаменитъ не только переводомъ Андерсена на русскій языкъ. Онъ болѣе полу столѣтія работаетъ на литературномъ поприщѣ и, кромѣ Андерсена, перевелъ съ сотрудничествѣмъ съ супругой своей А. В. Ганзень на русскій языкъ сочиненія великаго датско-норвежскаго писателя Г. Ибсена и мн. другихъ. Перевелъ П. Г. со шведскаго языка также увлекательную исторію путешествій Свенъ Гедина, а съ датскаго — описаніе полярныхъ путешествій Фритъофа Нансена и экспедиціи Миккельсена.

Съ нѣмецкаго П. Г. перевелъ на русскій языкъ книгу Нимана: «Питеръ Марицъ, молодой буръ изъ Трансвааля». Книга вышла въ 1900 году во время жестокой войны, которую вела тогда Англія въ Южной Африкѣ съ двумя независимыми республиками (Трансвааль и Оранжевой), и пользовалась громаднымъ успѣхомъ у юношества.

Кромѣ переводовъ на русскій языкъ П. Г. много трудился надъ переводами произведеній русскихъ авторовъ на свой родной датскій языкъ. Благодаря ему датчане имѣли возможность ознакомиться съ сочиненіями Гончарова, Л. Н. Тол-

стого и др. великихъ русскихъ писателей.

Петръ Готфридовичъ родился въ Копенгагенѣ въ 1846 году. Въ Россію онъ пріѣхалъ на службу въ Сибирь въ 1871 г. и съ той поры посвятилъ себя изученію литературы и быта русскаго народа. Онъ всей душой полюбилъ Россію и отдалъ ей много лѣтъ упорнаго и плодотворнаго труда.

Труды П. Г. распространились не только на литературу. Любя Россію, онъ волновался и мучился ея нуждами и невзгодами. Напримѣръ, въ 1899/1900 годахъ, когда голодное бѣдствіе посѣтило громадную область Поволжья, онъ одинъ изъ первыхъ поѣхалъ къ голодающимъ и работалъ не щадя силъ и здоровья по организаціи помощи несчастнымъ крестьянамъ — и въ первую очередь началъ энергичную борьбу съ дѣтской смертностью въ деревняхъ, путемъ устройства такъ называемыхъ «яслей», куда крестьянки сдавали своихъ младенцевъ и дѣтей.

Судьба обездоленныхъ дѣтей (безпризорныхъ, слѣпыхъ и глухонѣмыхъ) тоже живо волновала П. Г. Она толкнула его обследовать жизнь государственныхъ воспитательныхъ домовъ и положеніе питомцевъ въ округахъ. Результатомъ этихъ работъ явился рядъ печатныхъ трудовъ. Обследование обратило на себя вниманіе правительства и измѣнило къ лучшему многое въ жизни сиротъ-питомцевъ.

Желаніе внести въ жизнь обездоленныхъ дѣтей побольше радости и свѣта толкнуло П. Г. ознакомиться съ вопросомъ объ охранѣ дѣтства заграницей. Онъ обследовалъ жизнь призрѣваемыхъ въ Даніи, Швеціи, Англии, Германіи, Австріи, Венгрии и др. странахъ и написалъ объ этомъ рядъ интересныхъ книгъ и статей, повліявшихъ на улучшеніе состоянія многихъ дѣтскихъ приютовъ въ Россіи.

Революція 1917 года застала П. Г. въ командировкѣ въ Копенгагенѣ, гдѣ онъ и поселился, не порывая однако духовной связи со страной, которой отдалъ все горячія силы молодости. Сотрудничая въ датскихъ изданіяхъ, онъ пишетъ о русской литературѣ и русскомъ театрѣ, продолжая открывать землякамъ сокровищницу русскаго искусства.

Сейчасъ Петръ Готфридовичъ находится въ Ригѣ. Онъ пріѣхалъ навѣстить близкихъ и вмѣстѣ съ ними отпраздновать 80-лѣтіе своего рожденія.

11 октября П. Г. посѣтилъ редакцію журнала «Юный Читатель». Дѣлаясь честью этого посѣщенія съ нашими читателями, мы передаемъ имъ сердечный дружескій привѣтъ юбиляра, и надѣемся, что наши читатели, вмѣстѣ съ нами, отъ всего сердца пожелаютъ еще многихъ лѣтъ благоденствія и плодотворной дѣятельности нашему славному гостю, — давнему испытанному другу Россіи, юношества и искусства.

Л. Кормчій.

П. Г. Ганзень въ редакціи журн. «Юный Читатель».

Справа (сидитъ) П. Г. Ганзень. Слева — редакторъ Л. Кормчій и секретарь «Юн. Чит.» Э. Ганзень.

РАДИО.

Какъ построить простой радио-приемникъ-детекторъ?

I. Нѣкоторыя названія и обозначенія.

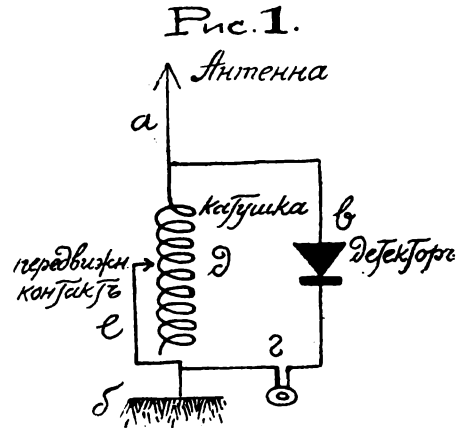
Наше тѣло обладаетъ цѣлымъ рядомъ органовъ, которые служатъ приемниками для различнаго рода волнъ. Такъ, глазъ непосредственно воспринимаетъ свѣт-овыя волны, кожа — тепловыя волны, ухо — колебанія воздуха. Эти приемники нашего тѣла называются органами чувствъ.

Кромѣ этихъ волнъ въ природѣ существуютъ еще электрическія волны, которыя — подобно свѣтовымъ волнамъ — происходятъ отъ колебанія эфира. Въ нашемъ тѣлѣ нѣтъ однако такого органа, который былъ бы способенъ непосредственно воспринимать электрическія волны. Между тѣмъ, электрическія волны набѣгаютъ на насъ со всѣхъ сторонъ ежеминутно, ежесекундно. Чтобы ихъ подмѣтить, мы должны преобразовать ихъ въ звуки и воспринимать ухомъ. Для этого и служитъ радио-приемникъ.

Электрическія волны особенно легко перехватываются металлическими предметами, лучше всего мѣдными. Мы протягиваемъ поэтому въ воздухѣ мѣдную проволоку, въ которой электрическія волны производятъ колебанія, для насъ пока еще неуловимыя. Это и есть антенна; на рисункахъ она обыкновенно обозначается стрѣлкой, обращенной вверхъ (а); чтобы колебанія, вызванныя въ антеннѣ, имѣли большой размахъ, одинъ конецъ ея соединяютъ съ землею, что условно обозначается изображеніемъ, похожимъ на гребень (б).

Если бы мы присоединили телефонъ непосредственно къ антеннѣ, то онъ остался бы нѣмымъ, такъ какъ колебанія антенны еще не въ состояніи вызвать въ немъ звука. Мы должны пропустить ихъ сначала какъ бы черезъ сито, которое перехватывало бы вредную для насъ часть колебаній; такимъ ситомъ служитъ детекторъ.

Онъ состоитъ изъ кристаллическаго камня - галена, котораго касается тонкое

металлическое острие; его условное обозначеніе дано на рис. (в).

Если теперь включить телефонъ за детекторомъ, то электрическія колебанія способны вызвать колебанія пластинки телефона — телефонъ говоритъ. Условное обозначеніе телефона: (г) на рис. 1.

Какъ соединить между собою антенну, детекторъ и телефонъ?

Мы не включаемъ детектора и телефона между антенной и землею, а присоединяемъ ихъ къ антеннѣ при помощи побочной цѣпи. Рисунокъ I показываетъ планъ нашего аппарата.

Электрическія волны бываютъ различной длины; въ зависимости отъ этого нужно имѣть антенну длинную (для волнъ большой длины) или короткую (для короткихъ волнъ). Было бы очень неудобно, если бы приходилось мѣнять самую антенну въ зависимости отъ длины волны. Чтобы избѣжать этого, придаютъ нижнему концу антенны форму катушки (часть проволоки наматывается на валикъ изъ картона или дерева) и по мѣрѣ надобности включаютъ или выключаютъ часть катушки; отъ этого удлиняется или укорачивается антенна. Достигается это при помощи передвижнаго контакта-ползунка. На рисункѣ I катушка обозначена буквой «д», контактъ — «е».

II. Практическое выполнение плана.

I. Антенна.

Лучшим материалом служить специальная проволока для антенны — антенный канатик; она состоит из мёди, неизолирована и скручена из 50 тонких проволочек. Впрочем, для антенны годится всякая, изолированная или неизолированная проволока, лишь бы она была достаточно крѣтка (напр., отъ электрическаго освѣщенія, отъ полевого телефона). Впрочем, не должно насъ удивлять, что для нашихъ цѣлей пригодна и изолированная проволока: черезъ всякаго рода изоляцію электрическія волны свободно проникаютъ, наоборотъ: всѣ проводники, напр. металлы, ихъ задерживаютъ.

Наилучшей антенной считается такая, которая расположена выше всѣхъ окружающихъ домовъ и деревьевъ, т. е. на крышѣ. Ее можно протянуть или въ видѣ одиночной проволоки длиною въ 25—30 метровъ — при этомъ проводъ къ аппарату или соединяется съ ея концомъ или съ ея серединой, — или въ видѣ двухъ параллельныхъ проволокъ, длиною въ 12—15 метровъ каждая; онѣ должны находиться на разстояніи по крайней мѣрѣ 1 метра другъ отъ друга; проводъ къ аппарату и здѣсь соединяется или съ концами или съ серединами проволокъ.

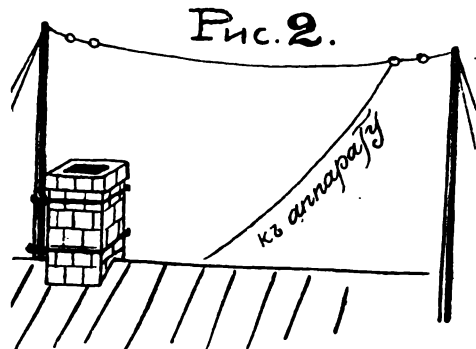
Въ случаѣ надобности отдѣльные куски проволоки просто связываются между собою узломъ; это наиболее прочный и надежный способъ соединенія.

Во всѣхъ случаяхъ такую антенну слѣдуетъ придѣлывать къ мачтамъ (палкамъ) изъ дерева или металла, которыя въ свою очередь прикрѣпляются — лучше всего помощью желѣзныхъ обручей — къ дымовымъ трубамъ. Эта работа должна быть произведена весьма тщательно; никогда не слѣдуетъ забывать, что проволока производитъ на мачту значительную тягу уже своей тяжестью; при вѣтрѣ эта сила можетъ увеличиться во много разъ, можетъ сломать мачту и даже сорвать слабую трубу. Такія работы на крышѣ слѣдуетъ производить только тогда, когда помогаютъ люди взрослые.

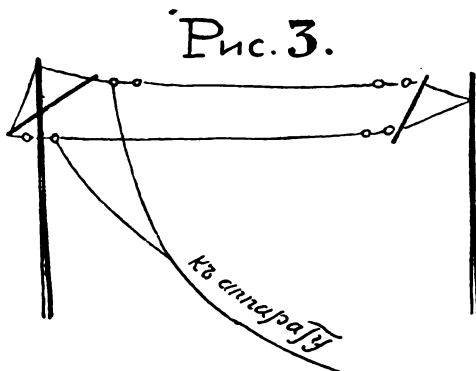
Проволоку слѣдуетъ прикрѣплять къ мачтамъ не непосредственно, а при по-

мощи особыхъ яйцевидныхъ изоляторовъ изъ фарфора.

Получаются слѣдующія формы антенны:

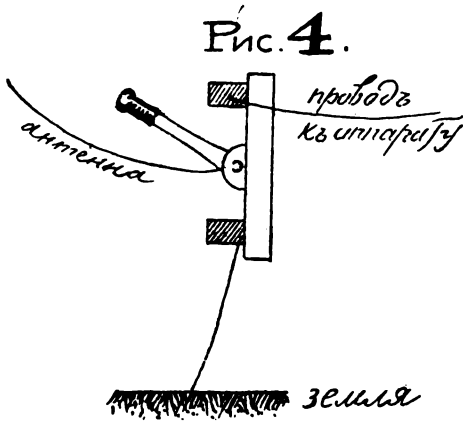
- 1) одиночная антенна;
 - а) проводъ къ аппарату соединень съ ея концомъ.
 - б) проводъ къ аппарату соединень съ ея серединой (на рисунокѣ не представлено).

- 2) Двойная антенна.
 - а) проводъ къ аппарату соединень съ ея концомъ.
 - б) проводъ соединень съ ея серединой (на рисунокѣ не представлено).

Атмосферное электричество можетъ вызвать (особенно во время грозы) въ такой высоко расположенной антеннѣ электрическіе токи, способные разрушить аппаратъ. Во избѣжаніе такого случая, нужно выключать аппаратъ во время грозы, а опасные токи отводить въ землю. Достигается это помощью выключателя, состоящаго изъ фарфоровой дощечки, металлическаго рычага и парныхъ металлическихъ пластинокъ вверхъ и внизъ (рис. 4).

При помощи винтовъ прикрѣпляютъ выключатель къ наружной стѣнѣ дома рядомъ съ окномъ; антенну соединяютъ

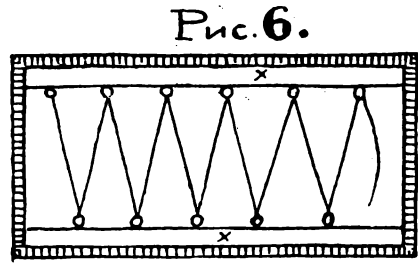
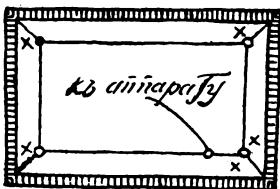

съ рычагомъ, а проводъ къ аппарату съ верхними металлическими пластинками. Когда рычагъ поднять, такъ что онъ касается верхнихъ пластинокъ, аппаратъ соединенъ съ антенной. Нижнія металлическія пластинки соединяютъ съ проволокой, другой конецъ которой лучше всего зарыть въ землю, прикрѣпивъ къ нему какой-нибудь металлическій предметъ (хотя бы пустую банку отъ консервовъ). Когда теперь рычагъ опустить, аппаратъ выключенъ, а антенна непосредственно соединена съ землею.

Для провода, идущаго къ аппарату, слѣдуетъ брать изолированную проволоку; ее продѣваютъ черезъ небольшое отверстие, просверленное въ той части оконной рамы, которая остается неподвижной во время открыванія и закрыванія окна.

Построить такую идеальную антенну въ большинствѣ случаевъ окажется невозможнымъ. Но, къ счастью, можно обойтись и иначе. Можно, напримѣръ, протянуть проволоку черезъ дворъ отъ одного окна до другого. Можно вбить желѣзный гвоздь въ дерево, растущее у дома, и къ нему привязать проволоку, — тогда антенной будетъ служить все живое дерево! Можно, наконецъ, отказаться отъ внѣшней антенны и устроить себѣ антенну внутри дома. Вести проволоку можно самымъ разнообразнымъ об-

Рис. 5.

разомъ: или четырехугольникомъ вдоль стѣны (рис. 5; — крестиками отмѣченныя линіи — простыя веревки); или зигзагами по всей комнатѣ (рис. 6), но и здѣсь не слѣдуетъ проволоку прямо прибавить къ стѣнѣ, а нужно протянуть ее при помощи изоляторовъ на разстояніи по крайней мѣрѣ 10 см. отъ стѣны.

Во многихъ случаяхъ можно устроиться еще проще: можно придѣлать проводъ аппарата непосредственно къ желѣзной кровати, къ балкону, къ велосипеду и т. под. металлическимъ предметамъ. Если же у васъ въ домѣ имѣется газъ, то привяжите (а еще лучше припаяйте) вашъ проводъ просто къ газовой трубѣ, послѣ того, какъ вы хорошенько почистили ее въ этомъ мѣстѣ отъ краски, ржавчины и т. п. Точно такъ же можно поступить съ тѣми свинцовыми трубами, которыми защищены провода электрическаго освѣщенія; не слѣдуетъ, разумѣется, соединять вашъ проводъ непосредственно съ неизолированными проводами электрическаго освѣщенія; въ лучшемъ случаѣ вы испортите аппаратъ, — въ худшемъ можете сжечь весь домъ и сами сгорѣть.

Отъ хорошей антенны зависитъ очень многое: сила и дальность пріема.

Чтобы однако не было никакихъ разочарованій, я тутъ же хочу указать на слѣдующее: при помощи того аппарата, который сейчасъ будетъ описанъ, можно слышать лишь мѣстную станцію, т. е. аппаратъ будетъ удовлетворительно отвѣчать лишь на станцію, находящуюся на разстояніи немногихъ километровъ отъ вашего аппарата.

2. Катушка.

За небольшія деньги можно купить готовую катушку съ передвижнымъ контактомъ. Можно ее однако приготовить и самому.

Изъ папки нужно склеить цилиндръ

(или призму съ любымъ основаніемъ) діаметромъ въ 5 сант., длиною въ 20 сант. и смазать его для лучшей изоляціи растопленнымъ парафиномъ. Мѣдную проволоку 25 м. длиною нужно взять не слишкомъ тонкую (лучше всего толщиною въ 1 мм.), покрытую чернымъ изолирующимъ лакомъ; ее аккуратно наматываютъ въ одинъ слой на цилиндръ; начало проволоки прикрѣпляютъ къ цилиндру (проткнувъ его въ палку), конецъ ея запускаютъ черезъ одно отверстіе въ цилиндръ, а черезъ другое вытягиваютъ наружу.

Затѣмъ берутъ 2 квадратныхъ дощечки, толщиною въ 1 см., шириною въ 8 см.

и лобзикомъ выпиливаютъ въ нихъ кружки, діаметромъ тоже въ 5 см., чтобы концы цилиндра какъ разъ входили въ полученные круглыя отверстія.

Затѣмъ нужно приобрести латунную или мѣдную четырехгранную палочку, длиною въ 20 см. съ отверстіемъ на концахъ, и латунную пластинку не шире палочки, длиною въ 5 см., на одномъ концѣ этой пластинки нужно при помощи тупого гвоздя выбить маленькую выпуклость и согнуть пополамъ подъ острымъ угломъ.

Э. Виттенбургъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новыя марки.

(Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ).

Эстонія.

Редакціи «Юнаго Филателиста» присланы Р. Кристинымъ (Немме) образцы двухъ новыхъ марокъ, перепечатокъ, выпущенныхъ въ пользу Эстонскаго Краснаго Креста, въ 5+1 марки и 10+2 марки. Серия ограничивается этими двумя марками, при чемъ перепечатка (чернаго цвѣта) помѣщена въ углахъ старыхъ марокъ Краснаго Креста въ 3¹/₂ (2¹/₂) марки орапжевой и 5 (7) марокъ синей.

Кромѣ того, по сообщенію Р. Кристина, марки обычной серіи въ 4 марки (помѣщенной въ большинствѣ каталоговъ), по наведеннымъ въ Главномъ почтовомъ Управленіи справкамъ, не существуютъ.

Соединенные Штаты.

Между 16 и 23 октября въ Нью-Йоркѣ состоится всемірная выставка марокъ. Къ этому времени въ Соединенныхъ

Штатахъ будетъ выпущено 20 милліоновъ марокъ въ память битвы въ Бѣлыхъ Долинахъ — одной изъ рѣшительныхъ битвъ американской освободительной войны.

Е. Н—а, Нью-Йоркъ.

Югославія.

Въ пользу пострадавшихъ отъ наводненій, съ 1 октября с. г. на маркахъ прежняго выпуска будутъ сдѣланы надбавки: на 25 пара — 25; на 50 пара и 1, 2, 3, 5 и 8 дин. — по 50 пара; на 10, 15, 20 и 30 динар. — 1 дин. Перепечатка будетъ сдѣлана и на открыткахъ. Эти благотворительныя марки будутъ въ обращеніи до 1 января 1927 года.

Кромѣ того рѣшено выпустить новыя юбилейныя марки въ ознаменованіе тысячелѣтія Хорватскаго королевства. Эти марки будутъ продаваться въ теченіе 6 мѣсяцевъ.

Наконецъ, въ виду двойного увеличенія почтоваго тарифа въ Югославіи, предполагается выпускъ марокъ новаго достоинства.

И. С—въ, Бѣлградъ.

Отъ редакціи «Юнаго Филателиста».

Считаемо пужнымъ еще разъ напомнить нашимъ читателямъ, думающимъ путемъ обмѣна увеличить свои коллекціи, что имъ необходимо предварительно списаться между собою, не высылая сразу хорошихъ марокъ.

Въ редакцію, къ сожалѣнію, поступила новая жалоба на Б. Явчерсона (Жовно) и на В. Сковородкина (Рига) отъ Т. Раевской изъ Бѣлграда. Первый (на него уже жаловался намъ подписчикъ Волковъ изъ Дравограда, Словенія) — получилъ отъ Т. Раевской 77 марокъ и не отвѣтилъ на два письма ея, а также редакціи «Юнаго Читателя»; второй — получилъ 107 марокъ и на запросъ редакціи отвѣтилъ буквально слѣдующее:

«Успею уведомить вас, что я от госложи Раевской марок и писем не получал, ибо на все письма я отвечал, и марки отсылал. Я очень извиняюсь».

Остается и редакціи извиниться за своихъ читателей, а своимъ юнымъ друзьямъ изъ Югославіи посовѣтовать быть осторожнѣе. Впрочемъ, можетъ случиться, что они не пострадаютъ, т. к. могутъ найтись коллекціонеры, которые пожелають поддержать честь рижскихъ и ковенскихъ «собираетелей» и вышлютъ Волковой и Раевской въ утѣшеніе по хорошей серіи марокъ.

Кстати сказать, М. Волковъ прислалъ редакціи подлинную расписку дравоградскаго почтамта въ отправкѣ заказного письма Б. Явчерсону...

Русскимъ скаутамъ.

Время идетъ.

Идетъ время, или летитъ?... Отвѣтъ вы найдете, можетъ быть, въ недавнемъ номерѣ «Русскаго Скаута» на 19 страницѣ (страница юмора):

— Скаутъ-новичокъ (задумчиво): «Я не понимаю, какъ часы могутъ показывать правильное время?» Скаутъ 1 разряда: «Почему такъ?» Скаутъ-новичокъ: «Но вѣдь время «летитъ», какъ говорить мой папа, а часы только «идутъ».

Какъ бы то ни было, идутъ ли часы, бѣгутъ ли они, или летятъ (иногда), но время проходить, и намъ кажется, что все скорѣе и скорѣе.

Становятся опытными скаутами и глядятъ въ помощники скаутмастеровъ тѣ юноши, которые родились одновременно съ рожденіемъ Русскаго скаутизма (интересно, кстати, знать, много ли въ нашихъ скаутскихъ рядахъ ровесниковъ нашему дѣлу, т. е. мальчиковъ, родившихся въ апрѣлѣ 1910 г. Откликнитесь).

Ушкунники.

Но можетъ быть, вы родились еще за годъ, или за нѣсколько лѣтъ до 1910 г., т. е. вамъ 17, 18, 19, и т. д. лѣтъ? Можетъ быть, года войны и бѣженства, какъ у насъ, военныхъ, въ тяжелыхъ бояхъ, слѣдуетъ считать — годъ за два? — Да, это отчасти такъ: многіе изъ васъ, скауты, развились за это время не по лѣтамъ.

Многіе въ возрастѣ ушкунниковъ уже не всегда удовлетворяются веселыми, беззаботными играми скаутовъ и мелочами, дорогими для насъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ. Но у васъ еще осталось широкое поле дѣятельности — рыцарскаго служенія родинѣ — Россіи и ближнимъ, разнообразіе спорта, походовъ, лагерей, бесѣдъ, клубовъ и различныхъ специальностей, которыя каждый воленъ выбирать по своему вкусу и призванію... Поистинѣ, какой просторъ!

Пусть время идетъ, пусть оно летитъ, оно лишь заставляетъ удвоить нашу

энергію, но для насъ скаутовъ, для нашей внутренней жизни оно не имѣетъ рѣшающаго значенія.

Разъ скаутъ, такъ умъ навсегда.

Не бываетъ слишкомъ большихъ скаутовъ.

Смѣшной случай былъ со мной, когда я однажды въ Ялтѣ возвращался съ какого-то скаутскаго похода и былъ въ формѣ скаута. Окрестные мальчики уже знали хорошо скаутовъ, но одинъ, маленькій, встрѣтившійся мнѣ на пути, изобразилъ на лицѣ полное недоумѣніе и пробормоталъ:

— Какой большой, а еще скаутъ!

— Да, милый мой мальчикъ, — быть скаутомъ никогда не поздно. На-дняхъ я видѣлъ двухъ лучшихъ скаутовъ Англии и Америки, дружески сидѣвшихъ рядомъ: Баденъ Поуэля и Данъ Бирда и оба были — глубокие старики.

И про нихъ хотѣлось, не съ удивленіемъ, а съ восторгомъ сказать: «Какіе старые, а еще скауты!»

Я надѣюсь, что всѣ, всѣ вы до глубокой старости будете истыми скаутами.

Не правда ли — я не ошибаюсь?

Стар. рус. скаутъ **Олегъ Пантюховъ.**

Жизнь рижскихъ скаутовъ.

Курсы по первой помощи.

Въ ближайшемъ будущемъ для русскихъ скаутовъ однимъ изъ руководителей, специалистомъ по медицинѣ, будетъ прочтенъ краткій курсъ по оказанію первой помощи. Всѣ скауты приглашаются воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для пополненія своихъ знаній. Справки у начальниковъ отрядовъ.

Скауты — мастера на всѣ руки.

Скауты 3-го и 21-го отрядовъ, помещающихся въ Х. С. М. Л., въ настоящее время заканчиваютъ ремонтъ своей штабъ-квартиры. Всѣ работы исполняются самими скаутами, урывающими послѣ дневныхъ занятій нѣсколько часовъ для приведенія въ порядокъ своего клуба.

Негативный процессъ.

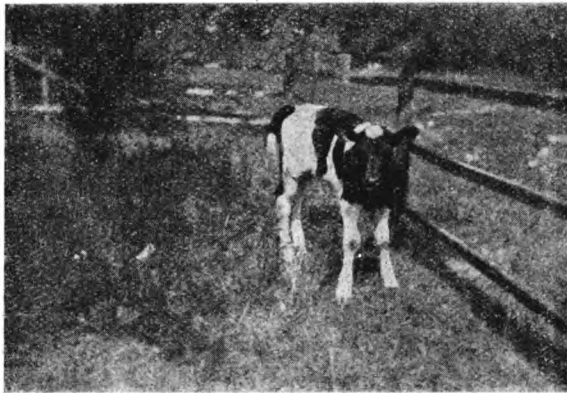
Фиксированіе.

Если мы разсмотримъ проявленную пластинку, то увидимъ, что на ней осталось бѣловатое вещество (при красномъ свѣтѣ: при дневномъ свѣтѣ оно будетъ зеленовато-сѣрымъ). Въ свѣлыхъ мѣстахъ изображенія его будетъ больше, въ темныхъ — меньше. Вещество это — свѣточувствительное бромистое серебро, не подвергшееся дѣйствію свѣта, а потому и не разложившееся. Если пластинку въ такомъ видѣ вынести на свѣтъ, изображеніе, по-

Конкурсъ фотографовъ

Прорвалась.
Фот. Свердловскаго.

Конкурс фотографовъ.

Въ загонѣ. Фот. Андр. Фе.

лученное при проявленіи, испортится.

Чтобы сохранить изображеніе на пластинкѣ, нужно удалить съ нея бромистое серебро. Для этого, промывъ пластинку въ чистой водѣ, опускаютъ ее въ растворъ соли гипосульфита (1 ч. соли гипос. на 7 ч. воды). Въ этомъ растворѣ пластинку оставляютъ на 10—15 минутъ, пока не исчезнутъ всѣ слѣды присутствія бромистаго серебра.

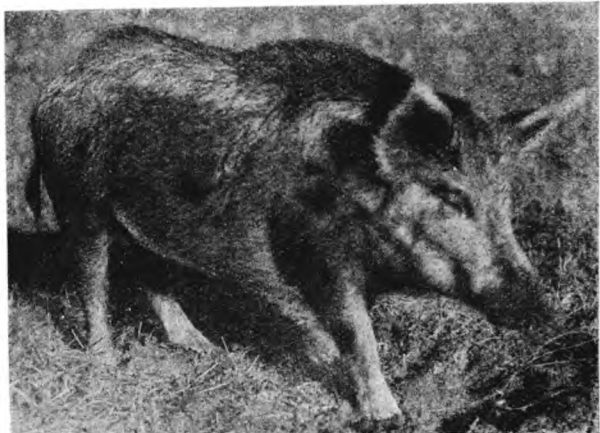
Соль гипосульфита растворяетъ бромистое серебро и удаляетъ его съ пластинки. Процессъ этотъ называется фик-

сированіемъ, а самый растворъ, въ который опускается пластинка, — фиксажемъ.

Отфиксированная пластинка помещается въ кювету съ чистой водой. Вода въ кюветѣ мѣняется каждыя 10 — 15 минутъ, причемъ такихъ смѣнъ нужно произвести не менѣе 5.

Послѣ промывки пластинка ставится на ребро въ сушильный стаканъ для просушки.

Плохо промытая пластинка очень долго сохнетъ. На ней

Конкурс фотографовъ.

Дикій кабанъ. Фот. Андретесь.

Конкурс фотографовъ.

На этюдахъ. Фот. Р. Андретесь.

остается гипосульфитъ, и такая пластинка считается испорченной.

Поэтому не нужно жалѣть ни времени, ни воды на промывку.

Выработанная пластинка называется **негативомъ**. Отпечатокъ же съ нея, который мы привыкли называть «фотографіей» или «фотографической карточкой», носить названіе **позитива**.

На пластинкѣ мы получаемъ такое же изображеніе, какое видимъ обыкновенно въ зер-

калѣ, т. е. правая сторона. на немъ будетъ лѣвой и наоборотъ. Кромѣ того, свѣтлыя мѣста въ негативѣ получаются черными, а черныя — свѣтлыми.

Съ плохого негатива, какъ мы уже

говорили получается и плохой позитивъ. Поэтому нужно особенно тщательно провести весь процессъ проявленія и фиксирования, Чѣмъ больше старанія. тѣмъ лучше результаты.

Конкурсъ фотографовъ.

На водопоѣ. Фот. Андр. Фе.

ПО СВѢТУ.

Троимъ 296 лѣтъ.

На фотографіи сняты трое буддійскихъ священнослужителей изъ Тибета. Первому изъ нихъ 96, второму 99 и третьему 101 г.

ЖИЗНЬ ШКОЛЪ.

IV русская основная (быв. Суздальская) школа въ Ригѣ. (Фот. I. Бориса).

1. Зданіе школы. 2. Въ перемѣну на дворѣ. 3. Уроки рисованія. 4. Трудная задача. 5. Урокъ русск. языка 6. Завѣд. школ. г. Михайловъ. 7. На Законѣ Божіемъ. 8. Чтеніе. 9. Игры на дворѣ. 10. Въ V классѣ.

„Вешнія воды.“

Учебный сезонъ начался. Последнія воспоминанія о канкулахъ таюць въ кучѣ учебныхъ заботъ: классъ, уроки... Такъ много нужно усвоить, выучить, прочесть, рѣшить и написать. Времени какъ будто не хватаетъ!

Однако, несмотря на множество учебныхъ занятій, у каждого находится часикъ-другой и для другого — близкаго и любимаго дѣла.

Цѣликомъ отдаться ему, конечно, нельзя, но урвать свободную минуту и претворить ее въ нѣчто хорошее — можно.

Такое хорошее съ большой любовью и увлеченіемъ дѣлаетъ группа ученицъ рижской гимназін Винарайсь-Вершканской.

Передо мной нѣсколько экземпляровъ школьнаго журнала «Вешнія воды» и «Историко-литературный журналъ».

Много любви и труда вложено въ эту попытку. Много искорокъ дарованія блеститъ на страницахъ журнала, выходящаго въ видѣ красивыхъ художественныхъ альбомовъ.

Весь онъ — плодъ любовной дружной работы группы ученицъ, чувствующихъ тяготѣніе къ перу, карандашу, краскамъ и углубленію въ исторію.

Очень хорошо исполнены иллюстраціи. Среди нихъ особенно ярка акварель Шмаргонъ «Зима» — очень сочная по тонамъ и останавливающая вниманіе хорошо схваченнымъ настроеніемъ.

Оригиналенъ рисунокъ Трукачъ «Любите свѣтъ, народы». Если съ технической стороны въ немъ и встрѣчаются недочеты, то мысль, выраженная въ рисункѣ, искупааетъ ихъ.

Но зато хороша акварель Трукачъ «Въ тѣни крылъ Твоихъ укрой мя».

Ея же рисунокъ перомъ «Пороховая башня» довольно точно изображаетъ этотъ извѣстный вѣкъ, кто бывалъ въ Ригѣ, памятникъ старины.

Литературныя попытки въ журналѣ очень разнообразны. Больше, конечно, стиховъ и рассказовъ. Съ настроеніемъ написаны стихи С. Матросъ «Осень» и Снаксаревой (тоже «Осень»). Съ интересомъ читаются рассказы Л. Барговой

Историко-литературный кружокъ гимн. Винарайсь-Вершканской.

«Ночью», Е. Круминь «Прошедшее» и Мироновичъ «По грибы».

Въ историческихъ работахъ чувствуется глубокой и серьезный подходъ къ дѣлу. Юные авторы излагаютъ не только то, что вычитали изъ книгъ и учебниковъ, но даютъ и свое — почерпнутое изъ непосредственнаго соприкосновения съ памятниками старины.

«Тѣни прошлаго», фантазия Н. Барановой, навѣянная посѣщеніемъ руинъ Вендена, выдаетъ обстоятельное знакомство автора съ эпохой. Очень содержательны и очерки Е. Рапопортъ, Е. Снаксаревой и Эренштейнъ.

Въ общемъ впечатлѣніе отъ журнала самое отрадное и приятное.

КОНКУРСЪ ЗАДАЧЪ.

Рѣшеніе задачи № 34.

Слова на циферблатѣ.

1) Въ первой комбинаціи получаются слова:

- 1—4: АРФА
- 3—6: ФАРШ
- 4—8: АРШИН
- 6—9: ШИНА
- 8—11: НАРЫ
- 10—1: РЫБА
- 12—2: БАР.

2) Во второй комбинаціи получаются слова:

- 1—5: РАДОМ
- 4—7: ОМАР
- 5—9: МАРКА
- 6—10: АРКАН
- 8—12: КАНВА
- 11—1: ВАР
- 12—3: АРАД.

Правильныя рѣшенія обѣихъ комбинацій прислали: А. Бергманъ (Рига), И. Волкова (Словенія), А. Гейманъ, Б. Истоминонъ, Д. Киссинъ (Рига), Ю. Кузьминъ (Мемель), В. Микалкъ, А. Никаноровъ (Рига), А. Рындинъ (Юрьевъ), Л. Сазо-

новъ, Б. Секундо (Рига), И. Чернецкій (Рѣжица), Г. Ютте (Митава).

Между ними были по жребію распределены 5 премій (крышки къ «Дневнику Проказника»), которыя получили:

1) Д. Киссинъ, 2) А. Никаноровъ, 3) Б. Секундо, 4) И. Чернецкій и 5) Г. Ютте.

Задача № 36.

Магическій квадратъ.

120	130	140
150	160	170
180	190	200

Перемѣстить данныя числа такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ ряду (вертикально, горизонтально и по діагоналямъ) получилось 480.

Рѣшеніе этой задачи должно быть прислано (безъ талоновъ) не позже 15 ноября.

Фамилии правильно рѣшившихъ будутъ напечатаны въ № 23 журнала.

Ю М О Р Ъ.

П О Х О Ж Д Е Н И Я

Понедельник:
СТАЩИЛ ЧУЖУЮ СОСКУ.

Т Р И К С А

Среда:
ОБЕЗГЛАВИЛ ЛЮБИМУЮ КУКЛУ ВЪРОЧКИ.

Четверг:
ВЫЛАКАЛ ВОДУ ИЗ ЦВЕТНОЙ ВАЗЫ.

Пятница:
ЖЕСТОКО БЫЛЪ, КОГДА ГОСТЬ ИГРАЛЪ НА СКРИПКЪ.

Суббота:
СВЕЛЪ СЧЕТЫ СЪ САШИНОЙ ЛОШАДКОЙ.

НО ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ СВОИ ГРЪХИ, ВО ПЛЯПУ СВОЕМУ ХОЗЯИНУ, ИСКУПИЛЪ ВСЕ ВРЕМЯ ПОДАВЪ

Большая конкурсная

ВЫСТАВКА работъ фотографовъ - любителей,

устройстваемая журн. „Юный Читатель“

откроется 31-го окт. въ помещеніи маг. В. Романовскаго

(Вальдемарская ул. противъ город. музея).

Болѣе ста художеств.-исполненныхъ фото-техникомъ I Борисомъ увеличеній съ работъ участниковъ конкурса фотографовъ журнала „ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“.

**Рѣдкіе снимки Печерскаго монастыря.
Природа Латвіи, Литвы и Эстоніи.**

Тамъ же выставка дѣтскихъ рисунковъ, присланныхъ редакціямъ „ЮНЫИ ЧИТАТЕЛЬ“ и газ. „СЛОВО“.

Чистая прибыль отъ выставки поступитъ въ пользу недостаточныхъ учащихся.

Присужденіе премій за фотографическія работы участниковъ конкурса журн. „Юный Читатель“.

Преміи на сумму 240 Ls. (12.000 руб.)

1) Фотографическій аппаратъ „Reflex“ стоимостью	3.500 руб.
2) Увеличительный аппаратъ	2.500 „
3) Наборъ „бромъ-масла“ для трехкрасочной печати	1.500 „
4) Полный лабораторный наборъ.	1.500 „
5) Полный наборъ для проявленія	1.500 „
6) Полный наборъ для печатанія	1.500 „

Изящныя крышки для переплета первых
двухъ томовъ журнала

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

Т. I (№№ 1—6), Т. II (№№ 7—12)

а также и для бесплатнаго приложенія „**ДНЕВНИКЪ ПРОКАЗНИКА**“

можно выписывать (или приобрѣтать) изъ конторы журнала :

Rigā, Valdemara ielā 63.

Цѣна каждой крышки одинъ лать.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Сборники журн. „Юный Читатель“

въ изящныхъ полуколенкорovýchъ
переплетахъ съ золот. тисненіемъ

„Юный Читатель“ сборн. I, ц. Ls 4.—

„ „ „ II, „ „ 4.—

„Дневникъ проказника“

романъ изъ жизни америк. маль-
чика съ иллюстр. худ. Г. Дайбера

въ переплетѣ, цѣна Ls. 2.50

безъ переплета, „ „ 2.—

Выписывающіе изъ конторы журнала : **Rigā, Valdemara ielā 63**

за пересылку не платятъ.

Юные читатели имѣютъ бодрый, здоровый и прекрасный
видъ, если кушаютъ ХАЛВУ и СЕМИТАКИ только марки

„Павлинь“

ФАБРИКА „ВОСТОКЪ“

Ф. Ф. КУТУЗОВЪ

РИГА, СТРУГОВАЯ № 2

ТЕЛ. 97078.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. ЦЫМЛОВЪ

Латвія, Рига Ул. Свободы № 7

Поч. ящ. № 218.

Тел. 80-32.

Въ моемъ изданіи вышли изъ печати и поступили въ продажу слѣдующіе учебники для русскихъ основныхъ школь:

- 1) **Разрѣзанная азбука.** Классное пособие при обученіи грамотѣ. Русскій алфавитъ и цифры, наклеенные на картонѣ и упакованные въ коробкахъ. То-же латинскій алфавитъ.
- 2) **Азбука.** Русская азбука и цифры, наклеенныя на кубикахъ, съ иллюстраціями въ четыре краски. То-же латинскій алфавитъ.
- 3) **Флеровъ.** „Красное солнышко“. Наглядный русскій букварь. Азбука по В. Флерову и матеріалъ для чтенія по Л. Н. Толстому. Со многими рисунками.
- 4) **Флеровъ.** „Ясное утро“ ч. 1. Первая книга для чтенія послѣ букваря. Со многими рисунками.
- 5) **Флеровъ.** „Ясное утро“ ч. 2. Вторая книга для чтенія послѣ букваря. Со многими рисунками.
- 6) **Флеровъ.** „Ясное утро“ ч. 3. Третья книга для чтенія послѣ букваря. Съ 20 портретами русскихъ писателей и ихъ біографіями.
- 7) **Флеровъ.** Грамматика для 1—2 год. обученія. Со многими рисунками.
- 8) **Флеровъ.** Грамматика для 3—4 год. обученія. Со многими рисунками.
- 9) **Трояновскій.** „Природа и ея явленія“, ч. 1. Неорганическій міръ. Растенія.
- 10) **Трояновскій.** „Природа и ея явленія“, ч. 2. Человѣкъ и животныя. Свѣдѣнія изъ физики.
- 11) **Чельцовъ.** Законъ Божій.
- 12) **Ананьинъ.** Всеобщая исторія. Курсъ основныхъ школь. Со многими рисунками.
- 13) **Ананьинъ.** Русская исторія. Курсъ основныхъ школь.
- 14) **Ланге.** Разскзы изъ исторіи Латвіи. 2-е изданіе исправленное и дополненное. Со многими рисунками.

Готовятся къ печати:

- 15) **Флеровъ.** Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ съ указаніемъ пріемовъ обученія.
- 16) **Флеровъ.** Наши первыя сочиненія. Сборникъ упражненій въ изложеніи мыслей для основныхъ школь.

При издательствѣ имѣются пособія:

Стѣнные таблицы для класснаго преподаванія природовѣдѣнія:

БОТАНИКА: 1) Папоротникъ, 2) Хвощъ, 3) Кукушкинъ ленъ, 4) Грибы, 5) Спорынья. ЗООЛОГИЯ: 1) Тараканъ, 2) Муха, 3) Майскій жукъ, 4) Бабочка, 5) Паукъ. Картины времени года: Весна, Лѣто, Осень и Зима, а также географическія карты всѣхъ частей свѣта.

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Заграницей: въ Европѣ 15 амер. центовъ, въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ и Австраліи — 20 амер. центовъ.